

Центр "Петербургское Востоковедение"
St.Petersburg Centre for Oriental Studies

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

**St.Petersburg Journal
of Oriental Studies**

**выпуск 4
volume 4**

Центр
"Петербургское Востоковедение"

Санкт-Петербург
1993

Миссия в Индию в 1442-1444 гг.

Путевые заметки ʿАбд Ар-Раззāка Самарқандӣ (перевод и комменарии О. Ф. Акимущкина)¹

В этом году² пишущий сий строки ʿАбд ар-Раззāк сын Исхāқа³ отправился по повелению владыки стран света⁴ в провинцию Хормуз и к океанским берегам. Если друзья соблаговолят не выискивать промахи в сем повествовании и проявят горячую заинтересованность в том, чтобы прочесть его со вниманием, то оно получит завершение со всеми подробностями и пояснениями. Автор нанижет всевозможные диковины и чудеса на нить слов, он обстоятельно расскажет и объяснит происшествия и опасные приключения [вышавшие на его долю] в течении трех лет, а также, согласно принятому [в книге] порядку, добросовестно изложит события, имевшие место в Хорāсāне, Мāвераннахре, Фāрсе, ʿИраке и Азербайджāне⁵. Автор выражает надежду, что это повествование получит признание в среде проникательных людей сего мира, а солнце благосклонного внимания сановных людей сего времени его осветит, если того пожелает Аллах превеликий.

Повествование о путешествии в Хиндўстāн, описание его диковин и пояснение чудес тамошних

Говорит Аллах превеликий: *"Он тот, который направляет вас по суше и по морю"*⁶. Всякий, у кого очи разума озарятся лучами истины и птица души которого вознесется в простор знания, воочию узрит и достоверно познает, что вращение по орбитам великих тел в небесных сферах и движение мельчайших частиц праха происходит в согласовании со знанием и желанием пречистого Творца, велик он и славен. Свет могущества, присущего ему, и следы его совершенной мудрости присутствуют как в мельчайших атомах всего сущего в природе, так и распространяются на все свершенные и несвершенные деяния рода человеческого. Поводья, направляющие обитателей сего мира, находятся в длани провидения и деснице рока, а вышних непокорных гордецов сего мира склоняются перед изречением *"и творит Аллах что желает!"*⁷.

Стих:

*Если не рок изменяет судьбу мирян,
то тогда почему ход событий идет противу нашей воли?
Да! Именно рок управляет людьми в добрых и скверных поступках.
Доказательством чему служит то,
что все их предусмотрительные меры не принесли искомого⁸.*

События и ужасы, обычные для путешествия по морю — а оно не такое море, что имеет конец и край — является самым наглядным из проявлений высшего могущества и самым ярким светом вышней мудрости. Отсюда следует, что в чудодейственном слове всеведущего Господа жемчужины его пользы и выгоды выражены наилучшим образом. Как зачин того серьезного дела, так и погружение в то громадное море может быть объяснено и записано только по предопределению всемогущего Творца-облегчителя всего трудного.

Стих:

*Согласно предписанию Судьбы и господнему предопределению,
Представление о которых лежит вне человеческих возможностей,
Отправился я с поручением в Хиндѹстѡн. Разве может стать ясным
мое описание его,
Если я проблуждал в той стране кромешной темноты⁹.*

Его величество счастливый Х̣а̣к̣ѡн¹⁰ соизволил пожаловать [мне] наличные деньги и распоряжения о праве на пользование фуражом и почтовыми лошадьми-поставами. Сей немощный¹¹, уладив необходимые мелочи, пустился в путь 1-го рамазана [13 января 1442 г.], выехав [из Герата] по дороге на Қухистѡн¹². Проезжая по Керманской пустыне¹³, я достиг нечто такого, что похоже на город — сохранились крепостная стена и базарная площадь, но жителей в том краю не было видно.

Стих:

*Прошел я по пустыне, мимо их стоянок,
Но я ничего не обнаружил, кроме следов запустения и развалин.
Та пустыня, что простирается от пределов Мекрѡна и Систѡна
до окрестностей Дѡмгѡна,
Представляет собой на всем протяжении
сосредоточие бедствия и ужаса.*

16-го *рамазана* [30 января] я въехал в город Кермāн¹⁴ — город приятный и стоянка щедрая, город чарующий и край радующий. Тамошний правитель (*дәрўиш*)¹⁵ эмир Хаджжй Мухаммад Канашйрин¹⁶ отсутствовал и я поневоле остановился [там] до праздника Разговения¹⁷. Его святость обладатель высоких достоинств эмир Бурхан ад-Дин саййид Халилаллах сын эмира На'им ад-Дина саййида Ни'маталлах¹⁸, да святятся их тайны и да осветит Аллах места их успокоения, что был украшением не только Кермāна, но и всего света, возвратился в ту пору из страны Хиндустāн. Он окружил меня вниманием и многочисленными проявлениями заботы.

Пятого *шавваля* [4 февраля] я выехал из Кермāна. В пути случилась встреча с эмиром Хаджжй Мухаммадом, который следовал обратно после набега на провинцию Бонпур¹⁹. Я направился в Хормуз. В середине [того же] месяца я достиг берега Омманского [моря] и Бандар-Хормуза²⁰. Правитель Хормуза малик Фахр ад-Дин Турāн-шах²¹ соизволил послать [за мной] судно, с которого я благополучно сошел в городе Хормузе²². Мне было отведено жилище со всем необходимым и я был удостоен личной встречи с государем. Сей Хормуз, который также называют Джарун, есть порт посреди моря — он не имеет равных себе на земле. Купцы со всей населенной части света: из Мисра и Шāма, Рума, Азербайджāна, Арабского и Персидского Ираков, государств Фāрса и Хорāсāна, Мāвераннахра и Туркестана, государства Дашт-и Қипчāқ, областей калмаков и со всего Востока, из Чйна, Мāчйна, Ханбалыга, по сухопутью направляются в этот порт. Жители же океанских берегов от пределов Чйна, Джāва, Сйлāна, Банагāла, городов Зйрбāда, Танāсарй, Соқутра и Шахр-и нав и островов Дйва-махалл до стран Малāбār, Хабиша и Зангибār и из портов Бйджāнагара, Гулбарга, Гуджарāта и Канабāта и берегов Арабской земли до Адаана, Джидды и Йамбу²³ привозят в тот город редкостные и ценные товары, которым луна, солнце и щедрость туч придали великолепие и которые можно доставить по морю. Расторопные путешественники прибывают отовсюду. В обмен на то, что они привозят, они могут приобрести в том городе все, что пожелают, без излишних поисков и расспросов. Платят они как звонкой монетой, так и торгуют в обмен. Финансовые чиновники взимают с любого товара, кроме золота и серебра, десятую часть стоимости (*сушр*)²⁴. В городе том очень много представителей различных вероисповеданий, включая неверных. Но с кем бы то ни было обходятся, не выходя за пределы справедливости. По сей причине тот город называют "Обителью безопасности". У жителей того города угодливое обхождение выходцев из Ирака сочетается с изучающей вдумчивостью выходцев из Хиндустāна.

[Мое] пребывание там продолжалось два месяца, поскольку правители удерживали под любым предлогом. Так что прошло наиболее приятное время для морского путешествия — начало и середина сезона муссонов²⁵. А когда же наступила завершающая часть сезона — пора морских бурь и разбоя пиратов, они дали разрешение на отплытие. В связи с тем, что все люди и лошади не могли уместиться на одном судне, их разделили на две части, разместили на судах и те, подняв паруса, пустились в путь. Едва только я ощутил запахи судна и увидел дикий нрав моря, я впал в столь отрешенное состояние, что в течение трех дней во мне не обнаруживалось никаких признаков жизни, кроме дыхания. Когда же я несколько пришел в себя, купцы, что были моими истинными друзьями, все разом возопили, что сезон для мореплавания кончился и всякий, кто в эту пору пускается в путешествие, сам будет повинен в собственной гибели, ибо он подвергает жизнь свою опасности. Стакнувшись и придя к единому мнению, они признали плату за наем судна (*наул*) законной, пожертвовали ею, отказались продолжать путешествие и после некоторых трудностей сошли на берег в порту Маскат²⁶. Я же с особо доверенными спутниками прибыл из Маската в местность Кураййāt²⁷, где, сбросив пожитки пребывания, разбил палатку стоянки. Купцы с побережья называют *табāхй* (убыточное) подобное положение, в котором они оказываются, когда начинают морское путешествие и когда, если оно не удастся, они вынуждены задержаться в каком-либо месте.

Я же в результате коловращения каменносердного небосвода и противодействующего отношения вероломной судьбы понес убытки (*табāхй*), будучи в крайне тяжком состоянии, с сердцем, как разбитое в куски зеркало, и душою, отлетевшей от тела. В эти же дни из-за необузданной тирании вращающегося небосвода и насилия судьбы-соглашательницы, а также напастей, ниспосылаемых небесным роком, покрылось ржой сверкающее зеркало памяти, блесневшее подобно солнечному свету, Святильник сияющего же разума, у которого луна каждую ночь заимствовала свет, под воздействием урагана неблагоприятных событий лишился блеска и потух. А яркое дарование, что создавало драгоценные камни, освещавшие темноту сокрытого смысла, и талант — пробирщик, что проверял полновесность жемчуга слов, затухали и теряли остроту зрения. Да простит бог! Сколько раз говорю я, ибо разум мой помутился, а рассудок омрачился. Как вдруг в конце какого-то дня мне выпала встреча с одним купцом, который следовал из Хиндүстāна. Я спросил его о конечной цели пути. Купец ответил — не может быть иной цели, кроме города Герāта. Когда я услышал название этого славного города, то возник страх, как бы мне не лишиться разума. Я упросил этого господина всех благородных задер-

Стих:

*Когда во время вечерней молитвы я начинаю рыдать
среди находящихся на чужбине,
Я рассказываю историю о своих тяготах вдали от родины.
Вспоминая любимую и дом я столь горько рыдаю,
что мог бы упразднить в мире обычай и привычку к странствию.
Я сам из мусульманской страны, а не из чужих краев.
О Охранитель! Отправь меня обратно к моим друзьям.¹²⁸*

Все то, что соответствует сему перечню и реестру по части происшествий и всякого рода тягот, было мною подробно записано. И столько я излил на страницы и листы назидательных примеров, что из-за кипения моих слез поднялся ураган в Омманском море. Что же касается той группы людей и лошадей, что разместились в Хормузе на другом судне, то в данный момент мне не известно, что с ними произошло. Возможно, впоследствии я запишу пером их историю.

**Рассказ о том времени, когда я не по своей воле остался
на побережье, и о тех событиях, что произошли
на стоянке Кураййāt и в городе Калхāте²⁹**

В то время, когда я был вынужден проживать на стоянке Қураййāt на морском побережье, серп молодой луны месяца *мухаррама* шестого года [12 мая 1442 г.] явил свой прекрасный лик на той стоянке томительного ожидания. Несмотря на то, что была весна и время равноденствия ночи и дня, солнечный жар столь припекал, что сжигал яхонт в копиях, а мозг — в костях, клинок в ножнах плавился как воск, а сияющее солнце превращало драгоценные камни на рукоятке кинжала (*ханджар*) в угли.

Стих:

От того, что солнце раскалилось, вращаясь в воздухе,
на солнце выгорало нутро камня.
Столь нагрелись от солнца горизонты,
что нутро камня становилось мягким как воск.
Тушки рыб внутри водоемов

Памятники культуры Востока

*сгорали точно так же, как шелк в огне.
В полдень от кипящей воды и знойного воздуха
рыбы искали спасения в огне.
В той пустыне охота стала делом нетрудным,
ибо она была полна зажаренных газелей.*

Жар, источаемый Хосроем планет³⁰, осведомлял об адском пекле, а бегущая волнами жара от кипящей воды раскрыла перед мирянами врата, в которых плясали громадные языки пламени. Поскольку климат того уезда по природе своей противопоставлен здоровью людей, живущих в этой области, великий брат мой и почитаемый учёный *маула́нā* °Афйф ад-Дйн °Абд ал-Ваххāб, я сам и оставшиеся со мною спутники положили голову слабости на подушку немощи под воздействием увеличивающейся температуры воздуха и прибывающей силы жары, а поводья желания отдали в руки божьего промысла.

Стих:

*Поскольку нет в нашей руке повода и узды желания,
то мы решили подождать, что сделает Его великодушие.*

У всех состояние здоровья отклонилось от нормального уровня, а испытания и тоска, тяготы и недомогания увеличились. Изнуряющая горячка и беды, приносящие уныние, возрастали день ото дня. Лихорадка разгоралась внутри организма все острее и все сильнее. Это ведущее к гибели состояние продолжалось в течение четырех месяцев кряду. Слабость усилилась, болезнь возобладала.

Стих:

*Я дошел до такой степени слабости, что утренний зефир
Каждое мгновение перенес бы меня с собой
в любую страну, словно аромат розы.
Не осталось у меня прежнего благополучия,
так как коловращение судьбы
Перевернуло меня, как кувшин на водяном колесе.
Никто никогда не видел страдание отдельно от моего тела,
потому что они, как причина и следствие, взаимно связаны.*

В эту пору я прослышал, что в окрестностях Қалхāта имеется место, прозванное Сӯр ("Красное")³¹ с благоприятным климатом и вкусной водой. Несмотря на значительную слабость, я взошел на судно и направился в Қалхāt. Едва я туда прибыл, как болезнь моя разыгралась: днем меня сжигал огонь лихорадки, а по ночам светильник тяжких испытаний зажигался пламенем моих скорбных вздохов. Насы-

шенность зловония и порчи сотрясали мое тело точно так же, как вызвали сотрясение земного шара клубящиеся массы дыма и паров. Жестокая рука лихomanки с помощью урагана неурядиц и бед сорвала палатку здоровья моего тела, что крепилась колыями четырех основных элементов³². А я — изломанный лишениями жизни на чужбине, уставший от боли разлуки с друзьями — утром словно распустившийся бутон розы исходил кровью с сердцем, стесненным насилем вероломной судьбы, и крепко сжимал губы, ни о чем не говоря. Ночью же, раскрыв глаза подобно только что распустившимся цветам, я, наблюдая за сине-зеленым ковром неба, рассказывал [ему] свою горестную историю. Птица моей жизни твердо решила покинуть гнездо тела, а ослабевшее тело, испытав удары горя и тягот жизни на чужбине, согласилось проститься с душой. Душа же, разочаровавшись в жизни, всем сердцем стремилась к смерти. Я вложил узду полной покорности в длань милости предвечного Творца. Достопочтенный господин и брат мой *мауланā* °Афйф ад-Дйн °Абд ал-Ваххāб — *"им благо и хорошее пристанище"*³³ в согласии с изречением *"и не знает душа, в какой земле умрет"*³⁴ и с изречением *"где бы вы ни были, захватит вас смерть"*³⁵ — отдал клад своей жизни ангелу смерти и был похоронен рядом с гробницей великих сподвижников пророка, да будет доволен Аллах ими. В городе на чужбине отрава разлуки оказала на меня такое воздействие, что нельзя ни на словах передать, ни пером описать.

Стих:

*О как мне жаль лика красоты и юности!
Ах, если б был он вечно живым!
Постоянно должно рвать родственные связи —
таков вышел небесный приговор.
Любой человек расстается в течение жизни
С другим человеком, не расстанутся только Фарқадан —
две звезды Малой Медведицы.*

Сей же, немощный, безрассудно рискуя жизнью и рассматривая бывшее, как то, чего не было, бесповоротно решил продолжить путешествие на судне, которое направлялось в Хиндūстāн. Несколько человек крепкого телосложения, подняв меня, перенесли на судно и сопроводили изречением *"во имя Аллаха его движение, и остановка"*³⁶.

Стих:

*В этом кроважадном море судьбы настроил бы ты мелодию смирения.
Взойди на то судно, ибо "во имя Аллаха его движение".*

Если великие знатоки не станут чрезмерно придираться, замечу, что это событие напоминает отчасти историю Моисея, коего бросили в воду в корзине³⁷. Казалось, что в этом была его гибель, но оказалось, что — спасение. В точности напоминает подобную же историю о том, как Хызр в присутствии Моисея пробил дыру в днище судна: на первый взгляд, люди бы утонули, но в действительности, люди избежали рук царя-деспота³⁸. Словом, морской воздух оказался мне полезным и вселил в меня надежду на выздоровление. Утро исцеления забрезжило в месте восхода [моего] желания и раны, нанесенные тяжелой стрелой мучительного недуга, зарубцевались, а загрязненный кувшин жизни вновь приобрел чистоту и блеск. Задул попутный ветер и судно — словно ветер — понеслось по воде.

Стих:

*Творение мудрости умельцев,
дом, путешествующий вокруг света.
Чудо повеления всеведающего бога,
несущийся дом, его домочадцы — его жильцы³⁹.*

[Корабль — это] птица, которая летит, не имея ни перьев, ни крыла; бегун, который без помощи ног несется как стрела; верховое животное, движется по воде, рассекая ее грудью; рыба, которая на гребне волны плывет, как змея [извиваясь] на брюхе; серп молодой луны — месяца, который и за тысячу лет не станет полной луной; он носит в себе различные существа, но никогда не рождает; рабыня-девушка индийского происхождения, а речи ее здравы; понесшая нескольких детей, но постоянно сама бесплодная; сам в оковах, но других освобождает из тенет урагана беды; сам весь опутан, но, словно ветер, надевает цепи на море; подобно страстно влюбленным он не обитает на земле и не витает в небесах, но по образу праведников, творящих чудо, бежит по воде; он — величайшая гора, пришедшая в движение в канун судного Дня, и туча, внушающая ужас и летящая как водяная птица; воистину, он — лук, изогнутый, как вращающаяся и несущаяся небесная сфера, и стрела, что подобно полюсу, неподвижно стоит на одном месте: в разгар неустойчивости он неизменно сохраняет устойчивость — лук нацелен на дорогу, как путешественники, стрела на тетиве следит за стоянкой, как ее обитатели; в величии он достиг в небесных эмпиреях планеты Меркурий, а в скорости движения его не догонит по ветру [даже] стрела; в скачках он оставляет позади ветер на два перегона. Хотя стрелу пускают из очень прочного лука, корабль попрочнее его.

Стих:

*В ветреную погоду он бежит, обгоняя ветер,
в пространстве он парит дольше стрелы⁴⁰.*

Несколько дней символ фразы *"и текут с ними при хорошем ветре"*⁴¹ наполнял сердца моих попутчиков радостью и весельем, а содержание изречения *"разве ты не видел, что судно плывет по морю по милости Аллаха"*⁴² привело моих друзей в радостное настроение.

Так что спустя восемнадцать суток по милости Владетеля царства земного и царства небесного они бросили якорь в гавани Кālīkūt⁴³. Описание редкостей и диковинок этой страны и прибытия в нее сего низжайшего незамедлительно последует [ниже].

**Повествование о прибытии в Хиндүстāн, описание его обычаев и
состояния дел и рассказ о его чудесах и диковинках**

Кālīkūt — это порт безопасный и процветающий, напоминающий Хормүз стечением купцов из разных стран и земель и наличием многочисленных редкостных товаров с морского побережья. Время от времени заходит [сюда] корабль со стороны Мекки⁴⁴ и из прочих городов Хиджāза⁴⁵. Время стоянки в том порту определяется купцами по своему усмотрению. Город заселен неверными и является вражеской страной⁴⁶. В том городе обитает община мусульман, которые, построив две мечети, по пятницам благолепно отправляют совместную молитву (*намāз*). Они имеют [также] духовного судью. Их бóльшая часть принадлежит к шафиитскому толку⁴⁷. А безопасность и справедливость в том городе таковы, что купцы, которые по богатству не уступают морям, когда привозят туда многочисленное добро с океанского побережья и, отгрузив [его] с кораблей, оставляют лежать на улице и базаре, ничуть не заботятся об его учете и охране, поскольку охрану несут чиновники-смотрители ведомства финансов. И они день и ночь присматривают за ним. Если купцы продают товар, то с них взимают пошлину — налог (*закāt*) в размере одной сороковой от стоимости товара. Если же не продают, то они никоим образом не докучают [с пошлиной]. В других портах бытует следующий обычай: если судно шло в определенный порт и если вдруг по воле всевышнего и преславного бога оно попадало в другой, то судно грабят [местные жители] под предлогом того, что его пригнал ветер. За исключением Кālīkūта, где с любым судном, откуда бы оно не пришло и куда бы оно не

направлялось, обращаются точно так же, как и с прочими судами, и ни в малом, ни в большом не нанесут ущерба, если судно окажется вдруг в порту⁴⁸.

Словом, его величество счастливый Хакан соизволил определить в качестве дара для правителя Калйкута лошадь, шубу на меху, длинный кафтан, шитый золотом, и высокую парадную шапку *наврузий*⁴⁹. Это было вызвано тем, что некоторые послы его величества Шахруха, возвращаясь из Банагала, не по своей воле задержались в Калйкуте вкупе с послами Банагала. Рассказ об обширном государстве и мощи монархии его величества дошел до тамошнего правителя, а от достойных доверия лиц он слышал, что султаны-правители населенной четверти света с востока и запада, по сухопутью и по морю, снаряжая [своих] послов и направляя послания, полагают тот высочайший порог *кыблой*⁵⁰ [своих] нужд и Ка'абой⁵¹ [своих] сокровенных молитв. Со всем недавно государь Банагала⁵², принеся жалобу на захватнические действия Султана Ибрахима Джаунапур⁵³, вознес мольбу и призыв о помощи к высочайшему порогу, служащий приютом для владетелей-султанов. Его величество Шахрух направил указ, коему повинуются мир, с ходжой шайх ал-исламом Карим ад-Дин Абд-л-Макаримом Джами⁵⁴ правителю Джаунапура⁵⁵ и известил, чтобы тот не смел посягать на владение Банагала. В противном случае ему придется пенять на себя. Когда государь Джаунапура ознакомился с содержанием августейшего послания, он убрал прочь руку произвола от государства Банагала. Едва только правитель Калйкута выслушал эти вести, как он подобрал разного рода подарки и редкостные подношения и отправил гонца с таким посланием: "В сем портовом городе в [каждую] пятницу и в [каждый] праздник читают ектенью (*хурба*) во славу ислама. Если его величество Шахрух соизволит дать позволение, то они восславят ее и возвеличат августейшими именами и титулами!"⁵⁶

Стих:

*Пришлось по душе миру чтение ектеньи на него —
настолько, что неверные проявили к ней склонность.*

Его гонец прибыл к высокому порогу в обществе послов, что отправились из Банагала. Эмиры доложили о его послании и дарах. Его гонец был мусульманином, наделенным даром красноречия. В своей речи он откровенно сказал: "Если его величество Шахрух соизволит оказать милость его правителю и специально направит к нему посла, чтобы, согласно изречению коранскому *"зови к пути Господа с мудростью и хорошим увещанием"*⁵⁷, призвав его обратиться в веру ислама, снять с его темного сердца запоры невежества и заблуж-

дения и чтобы блеск света истинной веры и сияние солнца познания единого бога смогли проникнуть через щель его души. Во всех отношениях поступок будет правильный и дело доброе". Его величество, уважив его просьбу, приказал эмирам снарядить посла. Приказ с назначением написали на имя сего бедняка, а некоторые старались, держа тайный умысел: быть может он и не вернется из этого путешествия. Сей бедняк счастливо вернулся спустя три года из того опасного путешествия, а клеветники ушли дорогой небытия. Короче говоря, когда я сошел в Кāлйкӯте с корабля, я увидел людей, подобных которым я никогда бы не смог вообразить.

Стих:

*Создания с необыкновенным обликом — и не люди, и не демоны,
от встречи с которыми разум заходится в крике.*

*Если бы увидел я во сне нечто, похожее на них,
то на долгие бы годы потерял душевное равновесие.*

*Если я и сойду с луноликой красавицей,
то, будучи черной, она меня не взволнует.*

Черные [люди] с обнаженными торсами обернуты широкой повязкой, называемой *лангӯта*, от пупа до колен. В одной руке у них — сверкающий, как капля воды, короткий индийский меч — *катāра*, а в другой — большой обтянутый воловьей кожей щит, напоминающий часть тучи. И государь, и нищий выглядят таким образом⁵⁸. Вместе с тем мусульмане носят роскошные одежды на арабский манер и держатся очень церемонно и важно. После того, как я всесторонне обговорил дела с некоторыми мусульманами и многими неверными, мне отвели удобный дом, а по прошествии трех дней повели [меня] на прием к государю. Я увидел человека, чей торс был обнажен, как и у прочих индусов. Тамошнего государя величают Сāмурй. Когда он умирает, на его место садится его племянник по сестре и никто не покушается на место государя⁵⁹.

Среди неверных имеется много сословий и каст, как-то: *брахманы*, *джоги* и прочие. Несмотря на то, что в основе всех их объединяет многобожие и идолопоклонство, каждая каста имеет отличный от других образ поведения и жизни. Имеется также категория людей, в которой у каждой женщины несколько мужей. Каждый из них берет на себя только одно дело и занимается его исполнением. Сутки по времени разделены между ними и каждый идет в дом в установленное [для него] время. Пока он там находится, никто другой не смеет войти внутрь⁶⁰. Сāмурй не из этих людей. Когда состоялась встреча с Сāмурй, прием был устроен в присутствии двух-трех тысяч индусов, од-

етых описанным образом. На этом приеме присутствовали также и наиболее выдающиеся представители мусульман. Усадили сего низжайшего, зачитали послание его величества счастливого Х̣ақ̣āна и выставили напоказ скакуна, шубу на меху, длинный, шитый золотом кафтан и высокую почетную шапку *наврузй*. Сāмурй не приветствовал [меня] с должным уважением. Я, возвратившись с его приема, пришел домой. А некоторые [мои] люди, которых государь Хормўза, погрузив на другое судно с несколькими лошадьми и товарами из разных мест, отправил в море и которых пираты из Сангйсара⁶¹, полонив и забрав все добро и товары, отпустили живыми, один за другим прибыли в Кāлй-кўт, и мы удостоились чести лицезреть дорогих людей.

Стих:

*Благодарение богу, мы не умерли и увидели лица
дорогих людей и достигли желанной цели.*

Я пробыл в том непохвальном месте, соседствуя с тяготами и составляя компанию унынию, с конца месяца *джумада-л-ухра* до начала месяца *зи-л-ка'да* [начало ноября 1442—середина апреля 1443 г.]. В эту пору однажды ночью, которая [своей] чернотой могла бы дать нам представление о душевном состоянии влюбленных, а [своей] длиной распрямила бы завитки на локонах красавиц, могущественный повелитель сна распорядился уволить в отставку надзирателей за моими чувствами и закрыл на запор двери двухэтажного дома ресниц, стянув их, как лепестки бутона, в соответствии с кораническим изречением "*и сделали сон наш отдыхом*"⁶². После разного рода трудностей я заснул на постели отдохновения. Во сне я увидел его величество счастливого Х̣ақ̣āна, который шел величественно по какой-то дороге, он подошел ко мне, погладил меня по лицу [своей] благословенной рукой и изрек: "Не печалься!". Наутро после того, как я отправил утреннюю молитву, этот сон пришел мне на память, я возрадовался. Хотя сны по большей части относятся к невнятной игре грез и их истинность редко подтверждается наяву, все же иногда то, что видится во сне, в точности совпадает с тем, что происходит наяву. Выдающиеся деятели прошедших эпох относились к ним, как к божественному откровению. Да не будут сокрыты перед людьми сон Иосифа Прекрасного, мир ему, и сон египетского царя⁶³! Я был погружен в эти думы, что быть может утро счастья осветит место восхода божественного благоволения и закончится ночь печали и тягот. Я поведал содержание сна знатокам и просил истолковать. Как вдруг пришел какой-то человек и принес известие о том, что государь Бйджāнагара⁶⁴, который владеет обширной страной и могучим государ-

ством, отправил гонца с посланием на имя Сāмурй, в котором предлагается тут же направить к нему посла его величества счастливого Хā-қāна. Хотя Сāмурй и не подвластен ему, все же он очень его побаивается и опасается, ибо, как говорят, владыка Бйджāнагара имеет [на побережье] триста портовых городов, каждый из коих не уступает Кā-лйкўту, а по земельной тверди его города и сельские местности простираются на два-три месяца пути.

Кāлйкўт вместе с несколькими соседними портовыми городами вплоть до порта Қāил, стоящего супротив Серāндйба, называемого также Сйлāн, — все это [побережье] именуют Малйбār. Суда плавают из Кāлйкўта в Мекку, да умножит Аллах всевышний почести ей, и по большей части они везут перец. Жители Кāлйкўта ведут себя в море отважно и пользуются известностью как *чйнйбачагāн* ("сыны китайца"). Морские пираты не рискуют нападать на суда Кāлйкўта. В том порту можно приобрести любой товар. Нет [там] более ужасного проступка, как убить корову или употреблять в пищу говяжье мясо. Если же кто-либо убьет корову и это станет известно, то того человека немедля лишают жизни. Они столь почитают корову, что сухим коровьим пометом натирают [себе] лоб, да проклянет их Аллах одного за другим⁶⁵.

Короче говоря, сей бедняк, получив позволение, покинул Кāлйкўт. Проплыв на судне мимо порта Пандарāна⁶⁶, что расположен во внутренней части [побережья] Малйбара, я достиг порта Мангалōр⁶⁷ — границы владений Бйджāнагара. Проведя там два-три дня, я двинулся [далее] по сухопутью. В трех *фарсангах*⁶⁸ от Мангалōра я увидел храм идолопоклонников, подобного которому не сыщется на всем свете. Это — равносторонний квадрат в основании приблизительно десять на десять аршин (*газ*)⁶⁹ и высотой в пять аршин. Он целиком отлит из бронзы и имеет четыре платформы (*суфа*). На фронтонной платформе стоит сделанная из золота фигура идола в полный человеческий рост. Его глаза — это два красных рубина, которые столь искусно вставлены, что создается впечатление, что идол смотрит [на тебя]. Исполнено [все] с исключительной тонкостью и совершенным мастерством. Миновав эту местность, я каждый день [затем] проезжал через какой-либо крупный населенный пункт или благоустроенную деревню. Пока не подъехал к горе, чье основание бросало тень на солнце, чьему мечу шея Марса служила ножнами, чей пояс инкрустирован самоцветами ярких звезд из созвездия Ориона и чья голова увенчана многоцветным венцом-короной.

Стих:

*Из-за того, что столь часто к ее торсу притужалось небо,
все тело ее целиком стало голубым, как лепесток фиалки.*

У подножья той горы растет столь много развесистых и густых деревьев, что лучи озаряющего мир солнца не в силах рассеять тьму под их кронами, а животворные дожди ни разу не коснулись земли под ними.

Проехав мимо горы и бора, я въехал в деревню Бйльбр⁷⁰, где строения напоминают дворцы, а красавицы — райских дев. В этом Бйльбре имеется храм идолопоклонников, причем столь высокий, что виден за несколько фарсангов. Не удастся описать или рассказать об этой постройке, не впадая в преувеличение. Вкратце оно выглядит так: посредине той деревни имеется пространство размером около десяти джарибов⁷¹, напоминающее чарующий сад Ирам⁷². Внутри там бесчисленное количество разного рода цветов, подобных листве на деревьях, по берегам ручейков поднялись кипарисы; отражаясь в воде, они напоминают отражение стана любимой в полных слез глазах влюбленного. Чинары постоянно с воздетыми в молитве руками, чтобы дать свободу молодым побегам. Много повидавшие небеса, взирая на это [великолепие], вперили глаза и вращаются вокруг свежерасцветшего лика цветника. В крайнем изумлении они покачивали [своей] головой при виде базиликовых листков — вся земля там покрыта зеленью и базиликом. По сторонам этой площади возведены слепые арки, тесанные с совершенным изяществом из камня, посредине ее находится возвышение в рост человека из хорошо обработанного камня, а камни пригнаны один к другому с таким мастерством и столь искусно, что кажутся единой каменной глыбой или же частью голубых небес, появившейся над всем пространством населенной четверти земли. В центре же этого возвышения установлено здание, вознесшее свою главу до звезды Капелла. Оно увенчано конусообразным куполом из камня голубого цвета, на котором вырезаны разнообразные скульптурные изображения в три этажа.

Стих:

*Что могу я сказать о сем куполе, который благодаря изысканности
был для сего мира копией горнего рая.
Дуга его высокой арки напоминает серп молодой луны,
а своей высотой она поспорит с небом.*

На том куполе столь много изображений и рисунков, выполненных острым стилем и волшебным резцом, что подобное им невозможно изобразить на шелковой камке либо муаре (*камха ва хара*)⁷³, поскольку не отыщется на той величественной постройке от основания до верха и местечка шириной в ладонь, которое не было бы заполнено франкскими и китайскими изображениями. По внешнему виду здание представляет собой постройку с четырьмя павильонами на платформах длиной в тридцать аршин (*газ*), шириной — двадцать аршин и приблизительно пятьдесят аршин высотой.

Стих:

*Поскольку он устремился своей головой в высь к небосводу,
то [небесный] купол, лишенный камня, приобрел у него камень.
Камень, из коего он сложен, от того, что часто терся о солнце
определил пробу солнечного золота.
Если не впало в слабоумие небо — мастер по стеклу,
то зачем ему жонглировать тем камнем*⁷⁴.

Помимо этого здания имеются также и другие строения как малые, так и внушительные — все покрыты разными узорами и скульптурными изображениями исключительной тонкости. На том месте по утрам и вечерам, справив богослужебные ритуалы, не принимаемые Господом, они играют на музыкальных инструментах, танцуют под песни и устраивают лицедейства и сборища. Поэтому на всех жителей той деревни возложены обязанности и установлено им содержание наличными и продуктами. Из дальних городов сюда присылают пожертвования на содержание храма. По убеждению [сих] лишенных истинной веры людей этот храм — Ка'аба огнепоклонников (*габраһ*).

Два-три дня я провел там, после чего продолжил отмерять переходы. В конце месяца зу-л-хиджа [конец апреля 1443 г.] я прибыл в город Биджанагар⁷⁵. Государь выслал навстречу группу сановников, которые разместили [меня] в удобном месте.

**Заключительный рассказ из повествования о путешествии
в Хиндүстан и о внешнем виде города Биджанагар и о семи крепос-
тях, расположенных одна внутри другой**

Слушающие речи и наблюдающие за вязью букв из предшествующих рассказов и выстроенных фраз узнали и уяснили, что события путешествия за море дошли до того места, когда автор строк 'Абд

ар-Раззак сын Исхака прибыл в город Биджанагар. Я увидел громадный крайне заселенный город и полновластного и всемогущего владыку. Его владение простирается на более чем тысячу *фарсангов* от границы Серандйба до провинции Гулбарга и от пределов Банагала до окрестностей Малибара. Большинство провинций обжиты и возделаны, насчитывается около трехсот гаваней и имеется более тысячи боевых слонов, громадных как гора и страшных как демон, и одиннадцать *лаков*⁷⁶ войска. Во всем Хиндустане не сыскать более полновластного владыки-рай, чем он. (В этих краях государей величают званием *рай*.) Брахманы, стоящие перед ним, по своему положению выше прочих людей. Рассказы из книги "Калила и Димна"⁷⁷ — сочинения, образней и красноречивей которого не создавалось на персидском языке и в котором излагаются приключения владыки и брахмана, пожалуй, рождены талантом мудрецов из этой страны.

Подобного Биджанагару другого такого города глаза побродивших по белу свету людей не видели, а ухо разума не слыхивало о чем-либо схожем, существующем в мире. Город устроен так, что семь крепостей с их стенами устроены одна внутри другой. Вокруг первой крепости на пространстве шириной в пятьдесят аршин повсюду укреплены близко друг к другу камни в человеческой рост, наполовину закопанные в землю, наполовину из нее торчащие, так что ни конный, ни пеший не может приблизиться к крепости безбоязненно и легко. А если кто-либо пожелает сопоставить по памяти вид тех семи крепостей с их стенами с городом Гератом, то следует таким образом начертить на чертеже памяти, чтобы первая крепость располагалась от Кух-и Мухтар и долины Дубараран до берега реки и моста Малан, тогда на восток от них будет деревня Гизан, а на запад — деревня Сайнан. Крепость эта круглой формы и выстроена на вершине горы из камня, скрепленного известью. Она снабжена прочными воротами, около которых несут службу *завратники*, которые придирчиво осматривают любую мелочь.

И точно также вторая крепость — от моста Джуй-йи нау ("Новый канал") до моста Дарқарах, на восток от нее будет мост Рикйне-о-Джаккан, а на запад — Баг-и Зубайда ("Сад Зубайды") и деревня Хассан. Третья крепость — от гробницы имама Фахр ад-Дйна Разй до мавзолея Мухаммада Султан-шаха.

Четвертая крепость — от моста Инджил до моста Кард.

Пятая крепость — от ворот Баг-и заган ("Сад воронов") до моста Аб-и Чакан ("Канал Чакан").

Шестая крепость — от ворот Малик до Фирузабадских ворот.

Седьмая крепость, что расположена в центре, в десять раз больше базарной площади города (*чахарсуй*) Герата. Та крепость —

дворец государя. Так что от ворот первой крепости, расположенных на севере, до ворот этой же крепости, расположенных на юге, будет два законных шариатских *фарсанга*⁷⁸. Столько же будет с востока на запад. Внутренняя часть между стенами первой, второй и третьей крепостей — это поля под зерновыми, плодовые сады с бахчами и жилые постройки, а внутри между стенами третьей и седьмой крепостей — многочисленные толпы народа, торговые ряды с лавками и базар⁷⁹.

Перед государевым подворьем расположены строения четырех базаров супротив друг друга. То, что находится на северной стороне, — это Айвāн-и Кайвāн, т. е. дворец царя. При входе в каждый базар возведены высокая порталная арка и замечательная галерея под навесом, но над всеми возвышается крытая галерея дворца государя. Базары же чрезвычайно широки и длинны, так что продавцы цветов, кои установили перед торговыми лавками высокие помосты под тентами, продают цветы по обе их стороны. В этом городе постоянно имеются ароматные и свежие цветы. Несмотря на то, что тамошние жители полагают пищу жизненной необходимостью, тем не менее они не могут жить без цветов. Ремесленники, принадлежащие к определенной профессии, держат лавки друг подле друга. Ювелиры свободно продают на базаре жемчуга, алмазы, яхонты и изумруды. Блестящие жемчужины и шахские жемчуга, подобных которым ныряльщики в море проникательности не видели и о равных которым не слыхивали. Небесный ювелир извлекал каждую жемчужную горошину из сокровенной сердцевины ценности, и от зависти выходила из себя четырнадцатидневная луна, видя безупречную форму каждой такой жемчужины. Тот серебристый шарик — морской конь белой масти; ареной, на которой он гарцует, является венец государей, а ристалищем его — подарок на раскрытой ладони щедрой, как море, руки султана; не порожден он в копиях, а вместе с тем жемчужина постоянно покойна и безмятежна в лавке ювелира. Нет, не отшельник этот шарик, избегающий общения, место жительства его в мочках ушей.

Яхонт гранатового цвета, от зависти к цвету которого изошло кровью сердце пламени, а от стыда перед блеском которого пламя огня спряталось в камне. Его солнечный шар многократно взлелеян алой кровью печени, а каменная глыба его сердца вышестована многоратной нежностью груди. Это огненное пламя, затушить которое не под силу никакой воде. Это свет, на который не оказывает воздействие солнечное затмение.

Стреловидные алмазы (*пайкāнī*), чья стрела будто молния вылетает из лука грома и, куда она упадет, все пронзает и испепеляет. По части блеска и игры света ни в какое сравнение не идут рядом с ним солнечные лучи, а острый меч Марса по части остроты и закала в

сравнении с ним кусок простого железа. Удивительный живой кристалл, который раздувает в сердце жар смертельного яда; диковинное масло, которым светильник возжигает душу без жара и огня. Продают его по гранам в сотую часть золотника (джау), а стоит он во сто крат более золота. Нет в нем с виду никакого блеска, но свет, исходящий из его нутра, вызывает зависть у сияющего лика Венеры.

Чистой воды зеленые изумруды (*райхънй*), при виде которых глаза смотрящего застывают пораженные, а благодаря его внешнему виду скрытый смысл изречения "*представительность увеличивает-ся при взгляде*" становится ясным для людей. Сановные и богатые люди всего мира, созерцая его изящество, прикусили палец удивления. Чистота сочного цвета в нем повсеместно одной воды, а молодая зелень в сравнении с его свежестью представляется пожухлой и свернувшейся.

И на всем том просторе, равно как и во дворце — прибежище власти, много повсюду проточной воды, прекрасных ровных арыков, сложенных из тесанного камня. По правую руку от султанского дворца с колонным крытым портиком возведено здание государственного присутствия (*дйвън-хъне*), исключительно величественное, внешне схожее со строением *чихилсутънй* (сорокаколонное)⁸⁰, а перед ним натянули высокий, более чем в рост человека, шатер в тридцать аршин (*газ*) длиной и шесть — шириной: там располагается канцелярия (*дафтар-хъне*) и сидят писцы. А записи они делают двумя способами. Первый, когда они выпарапывают письма железным стилем на листе кокосовой пальмы, который два аршина длиной и два пальца шириной, безо всякой краски⁸¹. Такое письмо сохраняется недолго. Второй способ, когда чернят что-либо белое, берут мягкий камень, очиняют его как *калам*⁸² и им пишут. На черной поверхности от того камня остаются записи белого цвета. И они сохраняются очень долгое время. Этому способу записей отдают предпочтение. В центре той крытой веранды с колонами (*чихилсутън*) на особом помосте-возвышении восседает в одиночестве какой-то евнух, которого величают *данданъйак*⁸³ и который полномочно вершит дела *дйвъна*⁸⁴. У края помоста стоят рядами слуги-стража с длинными палками в руках. Если у кого-либо возникает некое важное дело, то он, пройдя через строй этих слуг, почтительно согнувшись, подносит что-либо в дар, падает ниц, а затем, поднявшись, устно излагает суть дела. *Данданъйак* сообразно с обычаем правосудия, что принят в этом государстве, выносит решение, и тот человек уже не может далее держать речь. Когда же *данданъйак* покидает присутствие, перед ним несут несколько разноцветных зонтов и трубят в трубу, по обе стороны идут хвалебщики и призывают божье благословение на него. А перед покоями государя перед семью

дверями сидит по стражу-привратнику. Когда *данданйак* проходит, перед каждой дверью остается его слуга, несущий зонт, так что в седьмую дверь он проходит во внутренние покои в одиночестве и, доложив о делах, выходит спустя некоторое время. Дом и место присутствия *данданйака* будут позади дворца государя, по правую руку. По левую руку от дворца государя находится монетный двор (*заррѣб-хѣне*). Золотые монеты у них трех видов из нечистого золота. Первая, которую называют *варахах*, содержит около одного *мисқѣля*⁸⁵ золота и достоинством равна десяти *кепекским дѣнѣрам*⁸⁶; вторую именуют *партаб*, она составляет половину первой по достоинству, а третью называют *фанама*, она — одна десятая по достоинству от первой. Самая ходкая в обращении монета — *фанама*. Монета достоинством в одну шестую *фанамы*, которую льют из чистого серебра, называется *тѣр*. И она также исключительно широко используется в обращении. Монета достоинством в одну треть *тѣры* будет из меди, ее называют *читал*⁸⁷. Правило той страны таково, что все провинции к определенному сроку доставляют на монетный двор золото. Если кому по решению *дѣвѣна* назначаются к выплате наличные, то ему выдают ассигновку к выплате на монетный двор. Воины получают довольствие раз в четыре месяца. Из налоговых сумм провинции никому никакой выплаты не назначают. Конечно, то государство настолько благоустроено, что обстоятельное описание его в этом отношении потребует значительного увеличения рассказа. Государево казнохранилище представляет собой дома, похожие на бассейны, полные слитков переплавленного золота. Все люди той страны как знать, так и простонародье вплоть до ремесленников на базаре носят в ушах, на шее, на руках, на запястьях и на пальцах жемчуга или драгоценные камни.

Супротив государственного присутствия (*дѣвѣн-хѣне*) расположены стойла для слонов (*фѣл-хѣне*). Хотя у государя в стране имеется изрядное число слонов, тем не менее крупных слонов содержат перед государевым дворцом. Во внутренней части между стенами второй и первой крепостей посреди северной и западной сторон размножаются слоны и рождаются слонята. У государя же имеется один белый слон громадного размера, в разных местах его тело покрыто пятнами бурого цвета размером в чечевичное зерно. Каждый день поутру его прогуливают перед государем, который такой смотр считает добрым предзнаменованием. Дворцовых слонов кормят *кичрѣй*⁸⁸. Так что *кичрѣй* варят, выкладывают из котла перед слоном, добавляют соль и посыпают сырым сахаром. Затем все перемешивают. Из варева делают шары каждый почти в два *мана* весом⁸⁹ и, обмакнув их в масло, кладут в рот слону. И если в пищу не положат какой-либо составной части, то слон бросается на служителя, а государь за это наказывает. Слонов

кормят такого рода пищей дважды в день. Для каждого слона имеется отдельное помещение с чрезвычайно прочными стенами и крышей, сложенной из крепких бревен. Цепи, которыми слон обвязан за шею и заднюю часть тела, концами своими прочно крепятся на внешней стороне крыши, а если их закрепить по-другому, то слон легко освободится. На его ноги также накладывают путы.

Слонов ловят таким образом, что на тропе, по которой он обычно идет на водопой, вырывают обширную и глубокую яму, а сверху ее легонько прикрывают. Едва слон окажется в ней, дня два-три никто около него не появляется. Затем приходит кто-нибудь и наносит ему несколько сильных ударов палкой. Тут подходит другой человек, отгоняет бьющего и, отобрав у того палку, швыряет ее в сторону. Бросив слону немного корма, он удаляется. Таким образом продолжается несколько дней: первый человек бьет слона, а второй ему препятствует до тех пор, пока у слона не появится чувство расположения ко второму. И этот осторожно подходит все ближе и ближе к слону с каждым разом и приносит тому фрукты, которые слоны жалуют. Затем он скребет и трет слона, пока тот, успокоенный такой формой обращения, не смиряется с путами.

Р а с с к а з. Говорят, что какой-то слон, освободившись от пут, убежал в степи и леса. Погонщики слонов, пустившиеся следом за ним, выкопали на его пути яму.

Стих:

*Душа слона так же боялась тех уловов,
как и серна, что выскочила из сетей охотника.*

Тот слон повернул хоботом бревно наподобие посоха и, тыча им о землю перед собой, шел на водопой. Погонщики отчаялись поймать его, но государь страстно желал его изловить. Какой-то погонщик спрятался в кроне дерева, под которым слон обычно проходил. В тот момент, когда слон проходил под ним, погонщик бросился на спину слона с высоты дерева и крепко ухватился за прочный канат, которым обычно обвязывают грудь и круп слона и которым он был еще обвязан. И как ни шарахался слон, как он ни брыкался и как он не бил хоботом по спине, это не принесло ему избавления. Тогда слон упал на землю и стал перекатываться с боку на бок, но погонщик, едва только слон переваливался на один бок, перескакивал на другой и в то же самое время он несколько раз нанес ему тяжкие удары по голове палкой с заостренным крюком, коей погоняют слонов. В конце концов, слон-бедолага выбился из сил, сделался послушным и позво-

лил набросить на тело путы и на шею узду. Слона привели к государю, который щедро вознаградил погонщика слонов.

Государи Хиндүстана лично принимают участие в охоте на слонов. Целый месяц и более они проводят в степи и лесах, а если изловят слонов, то весьма гордятся тем делом. Время от времени под ноги слону бросают преступников, дабы тот уничтожил их ударами ног, хобота и бивней. Торговцы привозят слонов в центральные провинции с Сяллана и продают их по цене, исходя из числа аршин (*газ*) в их росте⁹⁰.

Супротив монетного двора расположено Присутствие начальника городской стражи (*шихне*). Говорят, что блюстителей порядка двенадцать тысяч. Постановлено, что каждый день им выплачивают вознаграждение в двенадцать тысяч фанам из доходов от кабаков и публичных домов. Помпезное великолепие построек этих заведений, красота томных прелестниц, их игривое кокетство и обольстительное жеманство выходят за пределы объяснения и истолкования. Словом, краткая речь лучше долгой. Описание же небольшой доли того следующее:

Позади монетного двора находится нечто, схожее с базаром, длина его превышает триста аршин (*газ*), а ширина — более двадцати. По обе стороны прохода стоят дома и имеются широкие скамьи. Перед домами возведены вместо широкой низкой лавки при входе небольшие удобные сидения из превосходного камня. На каждой стороне улицы, образованной домами, изображены фигуры львов, леопардов, тигров и других животных, причем они столь похожи и столь полны движения, что будто живые. После полуденной молитвы перед дверьми домов, кои содержатся в исключительной чистоте, выставляются низкие кресла и стулья, на которые усаживаются жрицы любви. Каждая богато украшена жемчугами и драгоценными камнями и одета в роскошные одежды. Они очень молоды и полны прелести и красоты. Одна либо две молодых рабыни стоят подле каждой из них, они громко приглашают насладиться жизнью, раскрывают двери утех и устраивают все необходимое для веселья. Любой мужчина, который заходит туда, выбирает себе ту, что ему приглянется. Прислуга тех заведений стережет все то, что имеет при себе гость. А если что-либо пропадет, то они отвечают за это. В этих семи крепостях также изрядно сыщется зланных мест. Весь доход от них, что составляет двенадцать тысяч фанам, идет на жалование блюстителям порядка. Занятие же блюстителей порядка состоит в том, что они должны быть в курсе всех происшествий и событий, случившихся в этих семи крепостях, и знать о них. И все, что пропадет либо будет украдено, они обязаны отыскать, а в противном случае — сполна возместить. Сбежали несколько ра-

бов, которых приобрели спутники сего бедняка. Известили об этом начальника стражи. Тот приказал, чтобы стража того квартала, где находились на постое потерпевшие, отыскала беглецов либо возместила их стоимость. Стражи, установив сумму, возместили ее сполна. Таковы подробности о городе Байджанагаре и пояснение о состоянии его государя.

Пишущий сии строки ʿАбд ар-Раззāk, который прибыл в город Байджанагар на исходе месяца *зи-л-хиджа*⁹¹ и разместился в отведенном ему для жительства чрезвычайно высоком здании, которое в Герāте было бы высотой с Ворота Малик, — место прохода всех жителей. Несколько дней я отдыхал от утомительного пути и серп молодой луны месяца *мухаррама* [1 мая 1443 г.] явил свою счастливую красоту в том громадном городе и на той стоянке, сбивающей с пути истинного.

Однажды ко мне прибыли посланцы от высокого государева порога и сей немошный на исходе дня направился во дворец, захватив с собой пять отменных скакунов и по девятке (*тоқұз*) штук камки и атласа. Государь восседал с совершенным величием в сорокаколонном зале. Справа и слева громадная толпа придворных образовала круг. На государе был просторный с длинными рукавами кафтан зеленого атласа, а на шее у него находилось ожерелье, составленное даже не из крупных, а из громадных жемчужин, оценить которые затруднился бы ювелир разума. Цвет кожи он имел оливковый, был сухопар, скорее высок ростом и очень молод: щеки были покрыты легким пушком, но на подбородке не было никакой растительности. Вид имел исключительно приятный⁹². Меня представили ему и я поклонился. Он, проявив благосклонность, усадил меня подле себя и, взяв августейшее послание⁹³, передал его толмачу и сказал: "Нам очень приятно, что великий государь направил к нам посла". Поскольку сей бедняк изрядно обливался потом из-за жары и из-за значительного числа одетого платья, государь проявил великодушие и милосердие, соблаговоллив пожаловать китайский веер, что был у него в руке. Мне пронесли блюдо, на котором была пачка бетеля⁹⁴, кошель с пятью сотнями мелкой золотой монеты (*фанам*) и очищенная камфара в количестве двадцати *мисқāлей*⁹⁵. Получив разрешение удалиться, я возвратился на свой постой. Каждый день мне доставляли кормовое довольствие: две овцы, четыре пары птицы, пять *манов* риса, один *ман* сахара и один *ман* растительного масла, а также два золотых *вараха* наличными. И все это доставляли каждый день. Дважды в неделю на исходе дня государь посылал за мной и расспрашивал об обстоятельствах и делах его величества счастливого Ҳāқāна. Всякий раз приносили мне пачку бетеля, кошель с мелкой золотой монетой и несколько золотников камфары. Государь обычно говорил через толмача: "Ваши повелители

приглашают посла и усаживают его за накрытый стол. Поскольку мы и вы едим разную пищу, то этот кошель золотых монет как бы станет приглашением посла к столу".

Бетель — это лист, похожий на лист померанцевого дерева, но подлиннее. В Хиндустане, в большей части арабских земель и государстве Хормуз люди убеждены в том, что лист тот приносит пользу. И действительно, он стоит той убежденности. Употребляют бетель таким образом. Отламывают небольшую часть плода капустной пальмы (*фйфал*), которую также зовут *синфрй*, и кладут в рот. Затем свернув кладут в рот лист бетеля, который [предварительно] натирают кусочком гашеной извести величиной с просыное зернышко. Таким путем они помещают в рот до четырех листьев кряду и жуют. Время от времени они добавляют к этому камфары, время от времени сплевывают ставшей красной слюну. От бетеля пламенеют щеки. Он подобно вину вызывает возбужденно-хмельное состояние, он смиряет голод, а у сытого вызывает желание вновь поесть. Он удаляет дурной дух изо рта и укрепляет зубы. Невозможно ни объяснить, ни описать, ни рассказать то, как он увеличивает мужскую силу и возбуждает плоть при общении. Нижеследующие вирши подтверждают и раскрывают некоторые из его сокрытых свойств.

Стих:

*Молодой побег бетеля, на котором распустилось сто листьев,
казался в руке махровой гвоздикой.
Необыкновенный листок, напоминающий садовую розу, —
самый прекрасный дар Хиндустанской земли.
Чуткий, как ухо проворного коня,
едкий как по вкусу, так и на ощупь.
Его едкость — это средство против проказы,
она разит как слово почившего пророка, мир ему.
Полон он артерий — прожилок, но нет в них и следа крови,
однако же из них вытекает его кровь.
Удивительное растение, стоит которому оказаться во рту,
как кровь начинает течь из его тела, словно он животное.
Когда его употребляют, он уменьшает дурной запах изо рта,
укрепляет он у всех слабые зубы.
На лице он вызывает румянец и ухаживает за лицом,
а ему дают цвет известь и капустная пальма.
Кокотка, что пользуется поддержкой таких двух товарищей,
без особых помех достигнет положения и известности.
Несмотря на то, что в молодом возрасте он обильно дает свой сок,
вот он становится старше, а сока источает все больше.*

*Несмотря на то, что он стыдится цвета своего сока,
тем не менее благодаря желтизне
он пользуется у всех [высокой] репутацией.
Взгляни на чудесный лист, что, будучи сорван с ветви,
спустя шесть месяцев все еще остается свежим и зеленым.
Тем более ему почета, что он без различия
уважителен как к нищему, так и к государю.
Засунь его в рот и насладись с красавицей-павой,
тогда узришь ты удивительный результат. И все тут⁹⁶!*

Несомненно, благодаря употреблению этого листа и силе, заключенной в том растении, у тамошнего государя в гареме содержится очень много женщин, ибо говорят, что он имеет семьсот законных жен и наложниц. Во всех его гаремах разрешается находиться мальчикам, не достигшим десятилетнего возраста. Две женщины никогда не живут в одних и тех же покоях, и потребности любой из его жен точно исполняются. Если в каком-нибудь уголке всего его государства сыщется какая-либо красивая девушка, то после того, как он склонит к согласию ее отца и мать, девушку с исключительной пышностью он привозит в гарем. После чего ее не видит уже ни один человек, даже если он будет чрезвычайно влиятельным и уважаемым лицом.

История покушения на жизнь государя Бйджанагара и подробности этого происшествия

В ту пору, когда пишущий сии строки пребывал еще в городе Кāйкūt, в городе Бйджанагаре произошло необыкновенное событие и случилось удивительное происшествие. Подробности его следующие. Брат государя возвел новый дворец и пригласил государя и столпов государства. Обычай же неверных таков, что они не вкушают пищу на глазах друг друга⁹⁷. Брат государя, усадив приглашенных в громадной крытой галерее (*айвāн*), появлялся сам лично либо присылал кого-нибудь сказать, что пусть такой-то сановник пожалует в другое помещение отведать праздничного угощения. В этот момент все барабаны, литавры, рога и трубы, которые удалось собрать из имевшихся в городе, начинали очень громко с грохотом играть. Каждого, кого он пригласил, он препровождал в условленное помещение. Тогда двое вероломных убийц нападали на вошедшего сзади из засады и, пронзив того человека короткими мечами (*катāра*), разрубали на куски. Убрав крупные, а также мелкие части тела разрубленного, брат приглашал кого-либо следующего. От того, что вступил на то лобное место, не

пришло ни единой вести, так же как и от путников, ушедших дорогой в мир загробный. Судьба же на своем языке, касаясь того кровопролития, декламировала: "Нет у тебя пути назад. Коль ты уж ушел, то ушел безвозвратно". Вследствие грохота барабанов, сумятицы и гвалта ни одно живое существо, за исключением ограниченного числа посвященных, не имело представления о происходящем. Когда брат государя изничтожил всех, кто имел какое-либо влияние или положение, он оставил продолжавший бурлить прием и направился во дворец государя. Он, красноречиво изъясняясь, пригласил на празднество весь отряд стражей, что охраняли дворец, и отправил их вслед за другими. В результате он лишил дворец охраны и вошел к государю, держа в руках блюдо с листьями бетеля, под которыми он схоронил короткий меч, подобный молнии. "К праздничному приему все готово, — сказал он государю, — дело за августейшим прибытием". Государь в согласии с изречением "поступки государственных мужей вдохновляют Небеса" ответил: "Мне нездоровится. Вы веселитесь, я же не приду".

Стих:

Сокол сказал утке: "Стень — это прекрасно!"

Она ответила: "Спокойной тебе ночи, мне и здесь хорошо!"

Когда вероломный брат утратил надежду на то, что государь соизволит пожаловать, он, сбросив листья в сторону, выхватил короткий меч и нанес несколько сильных ударов так, что государь свалился за трон. Тот коварный предатель, посчитав государя убитым, оставил одного из своих присных для того, чтобы тот отрубил ему голову, а сам вышел наружу, поднялся на крытую галерею дворца и так возвестил: "Я убил государя, братьев своих, таких-то эмиров и сановников. Отныне государь — я!".

Когда же его приспешник подошел к трону, чтобы отрубить голову государю, государь, что упал за спинку трона, столь сильно толкнул этого предателя в грудь тем троном, что тот опрокинулся на спину, и государь прикончил его с помощью одного из своих телохранителей, который в страхе перед резней спрятался в укромном уголке. Государь вышел из дворца через гарем, а его брат, стоя на крытой галерее, как раз возвещал народу о том, что он стал государем. Государь закричал: "Я жив и здоров. Хватайте этого мошенника!" Собравшиеся подданные тут же его скрутили и предали казни. Государь послал за остальными братьями и эмирами, оказалось, что тот их всех перебил. За исключением *дандан̄йак-ваз̄йра*, который перед этим событием отправился в Сйл̄ан. Государь отправил за ним гонца и поставил в известность об истинном состоянии дел. Он изничтожил всякого, в от-

ношении которого имелось хоть какое-либо подозрение, что он содействовал этому заговору. И перебили изрядное число, содрав живьем кожу, и сожгли. И семьи их полностью извели на корню. Убили также и того человека, что доставил свернувшееся молоко как знак приглашения на празднество. *Данданъйак* вернулся, прервав поездку, и, узнавши подробности случившегося, был ошеломлен. Удостоившись приложиться к ноге государя, он устроил церемонию благодарственного молебна во здравие августейшего величества и усерднее прежнего занялся приготовлениями к празднику *Маханъвамй*.

**Описание праздника *Маханъвамй*, что среди неверных пользуется
исключительным почтением**

Раз в год неверные, господствующие в том краю и той земле, проявляя чувства слезливости, могущества, чванливости и горделивости, устраивают царственный праздник и великолепный пир. Они называют его *Маханъвамй*. А он заключается в том, что обычно государь Биджанагара отдавал распоряжение, чтобы из всех владений, которые простираются на три-четыре месяца пути, направились бы к государеву порогу военачальники и градоправители (*каланта́рэн*). Они доставляли на смотр подобных бурлящему морю и грозовой туче слонов, числом тысяча, снаряженных в воинский доспех и украшенных башенками, в которых помещались фокусники и скоморохи, а на мордах, хоботах и ушах слонов киноварью и прочими красками были нарисованы диковинные лики и удивительные изображения.

Стих:

*Слон был так же громаден, как гора Бйсутън⁹⁸.
Четыре колонны — он под горой, не имеющей опор.
Его попона из золота [своим] блеском и великолепием
набрасывала тень на вершину горы.
Тот небесный щит, что наводит на тебя ужас
под его ногой превратился в прах.
Терся он о небесный свод головой, раскрашенной киноварью:
стала красной от киновари вечерняя заря.
Его хобот, свернутый арканом в кольцо —
дракон, что свалился с высокой горы.
Если прежде жилище змеи находилось внутри пещеры,
то теперь благодаря ему пещера оказалась в чреве змеи.
Ты молвишь: это — мчащийся корабль из слоновой кости,
на котором его уши — два паруса.*

*Ухо, что постоянно заигрывало с глазом,
казалось опахалом перед светильником.
Когда он в порыве ярости бросается вперед,
тогда земля переполняется людскими трупами.
Он вышибает мозг из темени злоумышленника,
с охотой он совершает сие благое деяние.
Когда его колокольчик подал сигнал к движению,
во весь голос повторил его вращающийся купол небес.
За его оглушительным ревом не слышно грохота большого барабана,
а высоко парящее облако прикладывается к его стопе.
Если завопит он от горя во весь голос,
то ничего кроме его голоса не услышат уши небес⁹⁹.*

Когда предводители войск и горделивые правители каждого края, ученые брахманы и страшные как Ахриман¹⁰⁰ слоны собрались к назначенному сроку у дворца владыки земли и времени, три дня кряду в дни полнолуния месяца *раджаба* [13-15 июля] на чрезвычайно просторной равнине и в исключительно живописном месте проходил смотр громадным толпам народа и гороподобным слонам, напоминавшим колышание зеленых морских волн и волнение сонмища людей на равнине в день Судный: без сомнения воочию явилось кораническое изречение *"и когда животные соберутся"*¹⁰¹.

Стих:

*Тела слонов прогибают землю,
они вызывают землетрясение повсюду в мире.
Из-за всех бивней, что были мерилом бедствия,
поверхность земли превратилась в шахматную доску.
Из-за сборища толп людей и сонмища слонов
скопище движущихся было недвижимо, в движении были горы¹⁰².*

В том чарующем просторе они соорудили приводящие в восторг беседки и павильоны, квадратные по форме, высотой в три, четыре и пять этажей, сверху донизу украшенные изваяниями. Любое изображение, какое только можно изобразить, — люди ли, дикие звери, птицы или другие представители животного мира, вплоть до мухи или комара — было исполнено с исключительной точностью и мастерством. Некоторые из павильонов были устроены таким образом, что вращались. Ежечасно они поворачивались противоположной стороной и каждый миг еще одна красавица выглядывала из многочисленных веранд и балконов. В самом начале той площади был возведен с совершенным изяществом девятиарочный павильон с колоннадой. Государева тахта была поставлена в пятой арке, место же сего бедняка опреде-

лили в седьмой и, всех кроме моих друзей, кто находился там, удалили. На очень опрятной площади между павильоном с колоннадой и павильонами, квадратными по форме, распевают и декламируют певцы с музыкальными инструментами и сказители. Большинство музыкантов-певцов девушки. Луноподобные девушки, чьи лица прелестней весны, одетые в красивые наряды, с обольстительными фигурами группами выходили — словно только что распустившиеся розы — за легкий занавес прямо против государя. Когда же вдруг занавес раздвигают, взяв его с двух сторон, девушки таким образом начинают танцевать, что разум теряет сознание, а душа лишается чувств.

Стих:

*Сто женщин-музыкантш, распевающих песни —
общество, в котором присутствуют луны и юпитеры.
Сбрасывают они завесу с солнца,
единственным кокетливым прищуром повергают мир.
Лица их пламенеют точно ярило,
сжигают они жизни людей своим огнем.
Когда с их лиц спадает покрывало,
какая же луна тогда опустится под покрывалом?
Когда их стан извивается в танце,
черные, как мускус, их косы вьются по земле.
Когда они в танце притоптывали по земле ногами,
они превосходили своим искусством Венеру.
От их поступи, кружения и движения рук
пришли в изумление все собравшиеся на празднестве¹⁰³.*

Дрессировщики проделывают удивительные игрища. Они кладут три бревна тесно [рядом] одно к другому. Каждое в один аршин длины, в половину аршина ширины и высотой в треть-четверть аршина. Затем кладут еще два бревна поверх двух бревен первого [ряда], которые близки к ним по своим размерам в длину и ширину. Далее кладут еще одни бревно поверх бревна второго [ряда], которые лежат сверху бревна первого [ряда], но чуть меньше по размерам. Таким образом, бревна первого и второго [ряда] образуют две ступени перед бревном третьего [ряда], которое лежит поверх всех. Они обучили громадного слона, чтобы он, ступая по бревнам первого и второго ряда, взошел на бревно третьего ряда, площадь которого немногим превышает размеры стопы ноги слона. Когда же слон всеми четырьмя ногами устраивается на том бревне, остальные бревна-ступени убирают из-под него сзади. Когда слон оказывается на самом верху тех трех [рядов], он хоботом отбивает такт любой мелодии, что музыканты ис-

полняют и играют, и раскачивается в согласии с ней, поднимая хобот и опуская его. А еще они устанавливают вертикально столб, высоту в десять аршин и на верху того столба прилаживают с отверстием посередине другое длинное бревно, которое становится как бы коромыслом весов. На один конец того бревна-коромысла они прикрепляют камень, равный по весу слону, а на другом сооружают деревянный щит шириной чуть менее метра (зар^с). Тот конец бревна, на котором щит, опускают вниз с помощью каната и слон быстро входит на тот деревянный щит. Затем погонщик осторожно и неторопливо ослабляет канат до тех пор, пока оба конца бревна не уравновесятся на высоте десяти аршин, как коромысло весов и язычок. То бревно, на одном конце которого находится слон, а на другом висит камень, равный ему по весу, постоянно движется, описывая полукруг в половину окружности перед государем направо и возвращаясь налево. А слон на том месте — столь высоком, где не слышно голоса, — соблюдая мелодию, исполняемую музыкантами, в такт с нею делает различные телодвижения. Государь тут же на празднестве жалует золотыми монетами и одеждами всех тех, кто пел и декламировал, жонглировал и показывал фокусы. Три дня кряду, начиная с того времени, когда павлин озаряющего мир светила выходил во всей красе на середину небосвода, и до того момента, когда ворон ночного мрака расправлял свои темные крыла, длился августейший праздник наилучшим образом. Подробное же описание разного рода фейерверков и россыпей шутих и ракет, прочих разнообразных забав и увеселений приведет к неуместному излишку многословия. На третий день, когда государь покинул празднество, сего бедняка привели к трону. Я увидел трон из цельного золота чрезвычайно больших размеров, украшенный вделанными в него редчайшими драгоценными камнями. Трон был исполнен с тончайшим изяществом. Очевидно, ни в одном из государств на земном шаре не исполняют инкрустацию драгоценными камнями лучше, чем в том крае. Перед тронном лежала подушка из атласа оливкового цвета (*зайтунӣ*), по краям коей в три ряда были нашиты сверкающие жемчужины, повергающие в зависть царские жемчуга. В течение всех этих трех дней государь восседал на троне на той подушке.

После того, как государь освободился от забот, связанных с праздником Маханавамй, он послал за сим нижайшим в час вечерней молитвы. Когда я прибыл во дворец, меня препроводили в четырехпортальное помещение размером приблизительно аршин десять на десять, все стены и весь потолок которого были выложены золотыми пластинками, каждая из коих была толщиной в тыльную сторону лезвия сабли. Они держались на золотых гвоздях. На помосте под балдахином стоял государев трон, трон из цельного золота очень

больших размеров¹⁰⁴. Государь восседал на нем с совершенным величием. Он спросил меня о здоровье его величества счастливого Х̣ақ̣āна, о положении его эмиров, состоянии служилых людей, о числе коней у его величества, о примечательностях таких городов, как Самарканд, Герāt, Шйрāз. Он соизволил выразить выходящие за пределы чувства дружбы и сказал: "Я отправлю вместе с искусным послом несколько могучих слонов и две девятки скопцов, а также прочие дары". На том самом приеме один из приближенных к его особе через толмача поинтересовался моим мнением по поводу изящества инкрустированного четырехпортального помещения в том смысле, что в нашей стране такого не могло бы быть. Я, отвечая, почтительно сказал: "Конечно, в том государстве можно создать подобное этому, но это [у нас] не принято". Государь высоко оценил [мой ответ] и соизволил пожаловать несколько кошельков с *фанам*, несколько пачек бетеля и фрукты со своего личного стола.

Группа выходцев из Хормūза, что пребывали в том городе, впала в великое беспокойство, прослышав о внимании, оказанном государем [мне], и о [его] намерении отправить посла ко двору, являющемуся убежищем для владетелей; и сотворили интригу с тем, чтобы разрушить фундамент этого замысла. По крайней злобе и порочности они распространили ложные речи, что сей нижайший не является посланцем его величества счастливого Х̣ақ̣āна, и эти слова дошли до слуха [главного] эмира и вазира — да что там до эмира и вазира, коль это речи дошли до шаха! Как об этом, если будет угодно Аллаху, пойдет рассказ в дальнейшем.

В эту пору *данданйак-вазйр*, что с доброй заботой относился ко мне, поднял знамя военного похода на государство Гулбарга. Причина, вызвавшая поход, заключалась в том, что, когда государь Гулбарга Султāн ʿАлā ад-Дйн Ахмад-шāх¹⁰⁵ прослышал о покушении на жизнь Дёва-рāйя и об убийстве столпов его государства, он пришел в крайне радостное состояние настроения. Он послал одного красно-речивого посла, чтобы тот объявил [от его имени]: "Передай [мне] с покорностью семьсот тысяч золотых *вараха*, а не то я пошлю в твою страну победоносное войско и вырву с корнем обычай неверия!" Дёва-рāй, государь Бйджāнагара, взъярился беспощадным гневом и сказал: "Поскольку я жив, то стоит ли беспокоиться о том, что убито несколько [моих] ближайших слуг (*нўкер*). Если умрет даже тысяча *нўкеров*, то чего мне страшиться, ведь в один-два дня я смогу собрать еще сто тысяч таких же. Пока сияет солнце, будет беспредельное число атомов! Если они вообразили, что обнаружат [в моих действиях] бессилие и слабость, нерадивость и беспечность, то это далеко не так, ибо везение — мой родич, счастливая звезда — супруга, а судьба —

преданный друг! Ныне они сочли уже добычей все, что готовы захватить в моей стране, дабы отдать это своим богословам и потомкам пророка. Я же все, что захвачу в том государстве силой оружия, отдам христианам и брахманам".

С обеих сторон были отправлены войска, которые произвели великое разорение окраинам того и другого государства. Государь назначил в государственный совет (*дйвāн*) в качестве исполняющего обязанности (*қажим-мақам*) *данданайака* некоего христианина, Химба Нурйра по имени, который держал себя словно полноправный *вазир*. Небольшого роста, злобный, недобрый, поганый, хмурый и угрюмый, он вобрал в себя все заслуживающие порицания свойства и был лишен напрочь всех похвальных качеств человеческой натуры. Как только тот поганый осквернил высокий пост главы *дйвāна*, он без какой-либо на то причины упразднил [наше] ежедневное кормовое и провиантское довольствие.

Выходцы из Хормуза, получив возможность для мерзостных действий, проявили [свою] злобность, что поднималась бродилом в их натуре. Ставши с Химба Нурйром закадычными друзьями в силу общности [совместной] злобы, они заявили, что сей смиренный не является посланцем его величества счастливого Хākāна, ибо он всего лишь торговец, раздобывший повеление его величества. Они сообщили неверным разного рода лживые сведения, которые запали в их души. Некоторое время в столь плачевном состоянии я пребывал в той стране неверных, болтаясь без дела. Пока я находился в этой отрешенности, государь несколько раз встречал меня при своих разъездах. Он опускал поводья благоволения и проявлял интерес к состоянию моих дел. Воистину, он был средоточием удивительных черт характера. Если [сказать]: он — сама справедливость, то именно этого будет достаточно.

Дайданайак, совершив нападение на окраинные местности Гулбарга и захватив в плен и полон какое-то количество немощных людей, возвратился. Он выразил неудовольствие Химбе Нурйру за то, что тот не завершил второстепенные дела сего нижайшего, и соизволил отписать ассигновку на монетный двор в семь тысяч *фанам*, кои я получил в день [его] прибытия.

Править посольство были определены два посла — *ходжа* Мас'уд и *ходжа* Мухаммад, также оба хорасанцы, что пребывали в той стране, с некоторыми подарками и тканями. Фатх-хāн — потомок Султāна Фирӯз-шаха¹⁰⁶, что был государем Дели, направил с посланием и дарами гонца по имени *ходжа* Джамāl ад-Дйн. Государь в день заключительной аудиенции сказал сему нижайшему: "Тебя, как прошел слух, не посылал [к нам] в действительности его величество мир-

за Шāхрух, а не то мы бы оказали тебе еще большее внимание. Если ты в другой раз прибудешь в это государство и мы будем знать, что [тебя] послал его величество, то, быть может, будет оказано в твоём отношении то, что соответствует нашей державе!" Я же говорил про себя то, что соответствовало моему положению:

Стих:

*Если вернусь я на родину, пройдя пустыню любви к тебе,
то даже с шахом я не отправлюсь еще раз на чужбину.*

В послании, которое он направил его величеству, он поместил мерзопакостные речи выходцев из Хормуза в таких выражениях: "Было [у нас] намерение снискать благоволение его величества, достойного халифского сана, послав царственные дары и подношения. Однако некоторые люди заявили, что 'Абд ар-Раззāк не относится к числу доверенных слуг вашего величества".

Перечисляя достославные качества натуры его величества, он написал, что тот воссоединил в своем лице доблестные деяния монарха и суть славы государя с качествами лучшего из пророков¹⁰⁷ и свойствами святых. Так что на языке людей простых и знатных, в словах всех людей опытных и под пером всех мужей ученых выражается этот смысл:

Стих:

*Ты — Ной, что как Авраам, есть друг Божий;
ты — Хызр, равный Моисею.
Ты — Ахмад, что владеет величием трона Господнего, ты — Иисус,
воплощение духа Божьего.
Отныне населенная четверть земли будет приписана к твоему порогу.
Посему подведи линию экватора под линию [своего] господства!*

Поскольку тот край, по представлению того народа, входит в число экваториальных государств, то выражение "подводить линию экватора под линию [своего] господства" соответствует действительности.

Сей смиренный, уладив частные дела, направился к берегу Омманского моря.

**Рассказ об обратном пути из государства Хиндүстән, повествование
о морской волне и история с бурей**

Солнце благоволения поднялось в месте восхода счастья, светило удачи взошло на востоке [моих] надежд, а яркие лучи ликования и радости появились в беспросветной тьме ночи в согласии с изречением кораническим: *"Аллах — друг тех, которые уверовали. Он выводит их из мрака к свету"*¹⁰⁸. Ночи тягот и уныния в том вертепе неверия и заблуждения начали переходить в рассвет утра счастья и сияния лучей солнца удачи. Наводящие печаль сумерки бессилия сменились светлыми днями радости и довольства жизнью.

Стих:

*Количественное содержание ночи, что была
длиннее дня [ныне] изменилось:
дни увеличились [по продолжительности], а ночи укоротились*¹⁰⁹.

Поскольку в связи с тем, что город этот был расположен в самом отдаленном из всех владений Хиндүстәна и всей страны, населенной неверными, принадлежности для путешествия и припасы, что я подготовил, были уничтожены [последующими] бедственными событиями, то — зачем я должен говорить, поясняя то, что не заслуживает упоминания? Вместе с тем, несмотря на расстройство [моих] дел.

Стих:

*Неоткуда было появиться надежде на [приобретение]
путевого припаса,
кроме как "не отчаивайтесь в милости Аллаха"*¹¹⁰.

С твердым сердцем и исполненный надежды на лучшее, пустился я в путь, уповая на щедрость и милость Аллаха. 12 ша'бана [5 декабря 1443 г.] вместе с послами я отправился в полет на крыльях путешествия из города Биджанагара. Делая привалы и переходы, я провёл в пути восемнадцать дней, пока не достиг 1 рамазана [23 декабря 1443 г.] побережья Омманского моря и гавани Баганёр¹¹¹.

Там я удостоился чести общения и беседы с благородным Амйром саййидом ʿАлā ад-Дйном Машхадй—саййидом, которому минуло 120 лет от роду. Многие годы он являлся предметом искреннего почитания и мусульман, и неверных, живущих в том краю. По всей стране его слова принимались как неоспоримое, ясное указание, и

никто не нарушал его распоряжения. Один из послов [государя] Бйджанагара, *ходжа Мас'уд* по имени, умер, несчастный, в том городе.

Стих:

*Кто может знать в этом кабаке, полном ненависти,
где нам под голову положат кирпич.*

В Баганбре я, как положено, отметил праздник Разговения¹¹², отправился в гавань Хинавар¹¹³, чтобы договориться о судне, и столковался о припасе на двадцать человек, необходимым для сорокадневного плавания по морю. В ту пору, когда я уже намеревался погрузиться на судно, однажды я раскрыл книгу "Гадание" его святости имама Джа'фара Садика¹¹⁴, мир ему да будет, что содержала стихи [извлеченные] из Корана. Открытое место принесло радостную весть, коей оказался сей стих: *"Не бойся, ты спасся от людей неправедных"*¹¹⁵. Я был чрезвычайно поражен совпадением гадания с [моим] положением, и смутная тревога, которая засела в сердце от страха перед морем, напрочь сгинула, и я тотчас же поверил в спасение и избавление. 25 месяца *зи-л ка'да* [15 марта 1444 г.] я, погрузившись на судно, пустился в плавание. Наблюдая *"у Него бегущие, высоко поднятые на море, как горы"*¹¹⁶, я воочию узрел следы высшего могущества. Время от времени я слушал от ряда попутчиков удивительные истории и рассказы о поразительных событиях. В душах [у нас] установилось спокойствие, на лицах появилась радость.

Стих:

*Заснуло будто бы око несчастий и бед.
Судьба пребывала в беспечности, вокруг [нас] было благополучие.*

Когда то судно после многих тысяч покачиваний, переваливаясь, вышло в открытое море,

Стих:

*Вдруг с поверхности моря задул ветер,
отовсюду поднялись вопли и крики.
И ночь, и судно, и ветер, и морская пучина
готовили [нам] все необходимое для беды.*

Внезапно под воздействием встречных ветров, которые, словно выпивохи, спадали и вновь поднимались, вино перемен оказало свое действие на тот корабль: его доски, которые были столь же плотно сшиты друг с другом [как слова] в почерке *мусалсал*¹¹⁷, чуть было не

разошлись в стороны словно буквы, что не соединяются на письме¹¹⁸. И знамение изречения коранического *"покрывает ее волна, над которой волна, над которой облако"*¹¹⁹ явственно проявилось. Корабельный матрос, который в плавании на воде был равен рыбе, желал подобно якорю опуститься на морское дно. Капитан-лоуман (му^саллим), который досконально изучил путевые лоции всех морей, горькими слезами начисто смыл записи в книге знания лоций. Парус разорвался точно так же, как лопается ворот влюбленного от страсти к предмету своей любви. Под ударами ветра мачта согнулась, напоминая дугу бровей красавиц.

Стих:

И принесли ветры то, что не было желательно кораблям.

Общество путешественников, что поселилось в том плавающем доме, побросало в море множество товаров и добра и, следуя примеру подвижников-суфиев, избавилось от мирских благ. Что стоят дорогие ткани и ценное имущество, когда драгоценная жизнь находится под угрозой? Я же в той обстановке, наблюдая за состоянием океана, умывал руки слезами, прощаясь с дорогой жизнью. Находясь в состоянии полнейшего оцепенения и в громадной, как море, печали, я пребывал с пересохшими губами и мокрыми от слез глазами. На скрижалях своей души я начертал: "Да будет милостив к нам Аллах приговором своим". Тот корабль под действием раската вздымавшихся, как горы, волн то становился другом вращающегося небосвода, то под ударами яростных ветров нырял, подобно водолазу, в глубь воды.

Стих:

*То он поднимался так высоко, что подкова молодой луны
терлась о конечности верховых животных.
То он опускался столь низко, что сокровища Қарұна¹²⁰
оказывались выше стремян лошадей.*

В следствие отсутствия соли в кипящей воде море растворило [мое] тело, как соль, опущенную в воду. Жестокая буря полонила мое терпение и лишила твердости и превратила в ничто ясный разум, словно лед на июльском солнцепеке.

Стих:

*Даже сейчас сердце мое бьется встревоженно,
подобно рыбе, которую вытащили из чистой воды.*

Стих:

*Пусть поток тлена разрушит постройки и здания сульбы,
которая волна за волной гнала на мою голову несчастья.
Я утратил свой блеск, ибо судьба бросила в воду
редкую жемчужину терпеливости, что была моим украшением.*

Многokrатно говорил я себе и языком обстоятельств сверлил жемчужину сего стиха:

*Темная ночь, и страх пред волной и морская пучина столь ужасна!
Разве могут понять наше состояние те легкомысленные гуляки
[оставшиеся] на берегу¹²¹.*

Прозрачная вода [моей] радостной жизни помутнела, взбаломученная мутной водой моря, а чистое зеркало [моей] мысли покрылось ржой от воздействия морской влажности и гнилостного воздуха. Всякий раз, когда зрачок [мой] пылливо всматривался в воду, из-за предельного страха ему виделся в ней блестящий меч. Под действием тоски, которую нагоняли яростные морские ветры, даже горестные вздохи, которые выпускал я из сердца, были стрелами, разрывавшими душу. Когда я очутился в безвыходно бедственном положении и когда я увидел, что повсюду двери надежды на запоре, с глазами, полными слез, и сердцем, наполненным отчаянием, я прочел стих из Корана, обратившись к Господу со страстной мольбой: *"Господи наш! Не возлагай также на нас то, что нам невмочь"*¹²² и умолял милосердного, не требующего признательности Господа, чтобы он от безграничного моря своей доброты дал расцвести и напоил влагой холодной саженец моего бытия и начисто бы смыл водой своего благоволения с лица моего [теперешнего] положения пыль горестей, покрывшую [мою] радостную жизнь. Пребывая в этом состоянии, я размышлял: "Что это за несчастье, которое случилось со мною в результате коловращения лазурного небосвода? Что же это за позор, который похитил мое достоинство под воздействием противоборства коварной судьбы и жалкой участи? Не вызволил я [свою] дорогую жизнь из волн гибели и не поднял на поверхность вод жемчужину своего радения при завершении одного из дел государственного блага, хотя [моя] благородная душа не поступает ни единой минутой по части соблюдения прав своего благодетеля и ни во что не ставит дорогую жизнь ради исполнения важного дела, порученного господином. Примером преданному слуге государя должен служить алмаз, в природе которого не проявляются даже мельчайшие изменения, если его бросают в огонь несчастий. Вместе с тем золото его истинной преданности станет еще

более чистой пробы, подобно свободному атому". Я пребывал именно в таких раздумьях и высказывал постоянно тревогу и удрученность до тех пор, пока сообразно предопределению *"тот ли, кто отвечает утесненному, когда он взывает к Нему, и удаляет зло"*¹²³ вдруг из места, где рождаются ветры *"и не отчаивайтесь в утешении Божьем"*¹²⁴ не подул ласковый ветерок безграничной милости Господа и утро радости занялось там, где восходит счастье и надзиратель благоприятствующего счастья не донес радостную весть *"и вот, Мы разделили при вас море и спасли вас"*¹²⁵ до слуха [моей] души. Холодный, дувший навстречу ветер сменился на попутный и прекратилась круговерть тайфуна, а море успокоилось так, как мне этого страстно хотелось. Плывшие на судне, отметив в море праздник Жертвоприношения¹²⁶, в последние дни месяца *зи-л-хиджа* [18-19 апреля 1444 г.] увидели гору Қалхāt и после морских тягот благополучно достигли земной тверди. В ту пору над морем объявилась молодая луна месяца *мухаррама* восьмого года [20 апреля 1444 г.], как греза о бровях возлюбленной.

Стих:

*Когда золотой корабль утонул в пучине этого голубого моря,
от него увидели только одинокую волну на поверхности вод.*

**Заключительная часть событий во время морского путешествия и
прибытие в Хормүз по милости Аллаха всевышнего**

События, связанные с рассказом о морском путешествии, были доведены до того места, что молодая луна священного месяца *мухарама* заблестела полнолунием уже во время плавания и что еще несколько дней судно находилось в море. Придя в Масқат, оно встало на якорь. [Там] судно привели в порядок, поскольку во время тайфуна оно получило повреждения. Вновь нагрузившись, оно пустилось в путь.

Стих:

*Стоящий на цепи [корабль], длинной, непрерывной,
благодаря ему бегущее море стало кузнецом.
Не раскачиваясь, взлетает он с места,
но в его движении нет ничего от полета.
Он — птица, что летит на деревянных крыльях,
он мгновенно взлетает, но летит не так [как птица].*

*Словно журавли взмывает он ввысь,
как цапля расправил крылья и ринулся, как сокол.
Сделали его из досок под наблюдением капитана,
мгновенно сто досок омыты в одной воде¹²⁷.*

Пустившись в плавание из Масқата, судно пришло в порт Хўр-фиған¹²⁸, где оно остановилось на день-два. Во время стоянки выдалась столь жаркая ночь, что к рассвету, казалось, небо запалило весь свет, а от разлитого зноя в воздухе горели быстрокрылая птица в выси небес и рыба в морской глубине. К утру от жары душа затаила дыхание и от солнечного пламени огонь охватил весь мир. Вселенная, испытывавшая накал солнечного жара, только во сне мечтала о ночной прохладе, а утро в страхе перед дневным зноем искало ночь прохладную со светильником. Поутру разнообразные птицы — кукушки, горлинки, воробьи, вороны и прочие, что свили гнезда на деревьях, — все мертвые лежали под деревьями. Если говорить откровенно, в этих словах нет никакой примеси нарочитого преувеличения.

Стих:

*Под воздействием огненного зноя, от которого фрукты созревают,
иссох мозг у соловья и воробья.
От страшной жары на конце каждой ветви [висели]
вареные птицы, нежные как [свежая] халва.*

Так много лежало под деревьями погибших птиц, что счетоводы не сосчитали бы их окончательного числа.

Вновь судно пустилось в путь и 12 числа месяца *сафара* [31 мая 1444 г.] поутру прибыло в Хормўз. Оно пришло из порта Хинавара в Хормўз за семьдесят пять дней. В тот же самый день в стольном городе Герате одно из диковинных чудес явило свой удивительный лик. Оно же таково: его святость *шайх ал-ислām*, предводитель тех, кому является откровение и вдохновение [Божье], сосредоточие благоволения величайшего Господина Баха ал-хақйқат ва-д-Дйн шайх 'Умар¹²⁹ именно в эту пятницу направлялся поутру из деревни Джағара¹³⁰, что была местом пребывания его святости, в Герат для отправления пятничной молитвы. В пути он вдруг спросил у его степенства моего брата Маулāны Шарйф ад-Дйна °Абд ал-Қаххара¹³¹, что слышно об авторе сих строк °Абд ар-Раззāке. Брат почтительно сообщил: "Будет уже три года, как от него нет ни знака, ни известия". Его святость *шайх* соизволил заметить: "Будто то бы он прибыл в Хормўз". Его степенство брат мой записал эту мысль. Сей смиренный же всегда заносил в записи дату прибытия в какой-либо город. Когда же я удостоился чести прибыть к брату, эти две даты полностью совпали.

Стих:

*Об истинности веры Пророка, о величии справедливого Судьи
пусть говорят что угодно, я верю [только] словам святого.*

Примеров разнообразной помощи и поддержки, которые нисходили на сего смиренного бедняка от его святости, наставляющего на путь истинный, в том опасном путешествии, имеется более, чем написано и рассказано. Подробности же того станут, быть может, причиной, умножающей посрамление отвергающих веру, и поводом, приведшим их к несчастью.

Стих:

Тот, кто не распознал записательство, тот остался в нем.

В Хормуз пришло известие об ослаблении здоровья его августейшего величества счастливого Хāқāна, и края владений Фārса, ‘Ирāқа и морского побережья, ужасаясь тому, что случилось, затряслись как листья ивы. Купцы со всех сторон света, что собирались в сем великом городе, задержались по необходимости, а сей смиренный, по этой же причине, невольно оставался семьдесят дней в том Хормузе, испепеляемом зноем до тех пор, пока доподлинно не подтвердилось известие о поправке здоровья августейшей персоны, переданное благочестивыми людьми из провинции Лār¹³². Сей смиренный, пустившись в путь через порт Адгāн¹³³, с разного рода тяготами и трудностями, вызванными нездоровьем, прибыл в крепость Тирзак¹³⁴. Там я задержался на некоторое время, пока не прибыли с донесением послы, коих я отправил к подножию высочайшего престола, и не доставили соответствующие заветному желанию распоряжения следующего содержания: пусть управители и должностные лица провинций предоставят из налоговых сумм пропитание для послов, вьючных животных для десяти верблюжьих вьюков (в связи с тем, что отписал сей смиренный), а также дадут 14 ямских лошадей-постав: десять лично для людей сего смиренного и четырех — послам. Из Тирзака через Майманд¹³⁵ и Фаргāн¹³⁶ я выступил, усевшись в крытое сидение на муле, по причине нездоровья. По прибытии в провинцию Сйрджāн¹³⁷ я сподобился счастья посетить могилу его святости Шāх-Шуджа^с Кирмāн¹³⁸, да будет над ним милость божья, что был одним из великих шайхов прошлых времен, и происходил из потомков великих правителей, осмотрел я и крепость Сйрджāн, что на всем свете не имеет себе равной. В деревне Машйш мне выпало счастье услужить великому шайху и святому [своего] времени маулāне Шамс ад-Дйну Мухаммаду

Исфāхй¹³⁹, да помилует его Аллах, который в караване [под водительством] его святости *шайх ал-ислāма* Бахā ад-Дйна *шайха* °Умара, да святится его тайна, направился в Хиджāз; из Мекки он поехал в Египет, где посетил могилы пророков, мир им всем, прибыл по морю в Хормūз и при стремени его степенства достиг Герāта. Короче говоря, вошел я в Кирмāн. Тамошний правитель эмир Хāджжй Мухаммад был обижен на меня, ибо, когда я ехал в Хиндūстāн, я отправил нечто вроде жалобы [в Герāt] о состоянии дел в Кирмāне и об образе действий эмира. Это произвело впечатление на его августейшее величество счастливого Хāқāна, который затребовал эмира в стольный город Герāt, а его отправление службы по той причине подверглось порицанию и позору. Когда с ним состоялась встреча в Кирмāне, он однажды спросил меня в начале беседы: "Маулāнā, сколько средств израсходовано вами и послами на путь туда и обратно?" Я ответил: "Приблизительно 50 тысяч дйнāров!" Он спросил: "А какова будет стоимость того, что вы привезли с собой?" Я ответил: "Десять тысяч дйнāров". Тогда он сказал мне: "Превосходный обмен: дать пятьдесят тысяч дйнāров, а получить десять тысяч!" Я сказал: "Его величество счастливый Хāқāн не купец, чтобы принимать это в расчет. Когда ему привозят [настоящего] сокола, то его величество сверх цены дает еще 50 тысяч дйнāров. От границ Цейлона (Серāндйб) я везу с собой монеты с чеканом, благожелательное послание, подношение и посла. Это обстоятельство, по мнению его величества, куда более приличествует, чем то, когда в казне будут лежать [эти же] 50 тысяч дйнāров!" Словом, сей бедняк через ту же пустыню Лūt, которую он проехал прежде, возвратился в Қухистāн¹⁴⁰. В середине месяца *рамазана* [конец декабря 1444 г.] он достиг стольного города Герāта и прочел коранический стих: *"Хвала Аллаху, который удалил от нас печаль! Поистине, Господь наш прощающ, благодарен. Он — тот, кто поселил нас в жилище пребывания от Своей милости"*¹⁴¹, но я не позволил себе проронить ни слова жалобы на трудности ночей в отъезде и на душевные раны, нанесенные разлукой с друзьями и близкими товарищами.

Стих:

*Лучше же подавить в себе жалобу на ночь разлуки
с благодарностью к тому, кто сбросит завесу с дня встречи.*

На другой день я был возвышен честью приложиться губами к кончикам пальцев щедрого владыки в высочайшем присутствии. Несмотря на то, что в той крытой галерее горделивая судьба стояла, только согнув спину, я был обласкан дозволением сесть. Я

почтительно доложил об обстоятельствах правителей тех владений, о приключениях на море, о судне и [привел] разнообразные истории. Послы *ходжа* Мухаммад и *ходжа* Джамал ад-Дин были препровождены к подножью высочайшего престола через посредство великих эмиров. Они сподобились счастья поцеловать руку, что является пределом желаний всех султанов, правящих на земле. Они преподнесли разнообразные дары, три перстня с алмазами и десять верблюжьих выюков с индийскими ароматическими и лекарственными травами, что очень пришлось по душе его величеству. Ведь нет сообщения, чтобы в течение [последних] двухсот-трехсот лет посол прибыл бы из той страны в это государство. Дважды в неделю послов приглашали ко двору, служащему убежищем правителям-султанам, и они получали возможность присутствовать в августейшем собрании. Его величество несколько раз соизволил похвалить сего бедняка как в его присутствии, так и в отсутствие. Тот час, который выпадал свободным от обилия важнейших государственных дел, проходил в расспросах о состоянии дел того края и страны, о жизни провинции, об океанском побережье и пояснении диковинок государства неверных. То, что соответствовало действительности, почтительно [ему] докладывалось. Послы оставались в стольном городе Герате до конца священного месяца *зи-л-хиджа* [7-8 апреля 1445 г.] и государева благосклонность соизволила разрешить им отправиться в обратный путь. Каждому из них он соизволил пожаловать и подарить лошадь под седлом, пару новогодней одежды и три тысячи кепекских динаров¹⁴², а их десяти слугам-нукерам по кафтану-*каба* и по четыреста динаров. До порта Хормуз им было назначено фуражное довольство и ямские поправки.

Фатх-хан, внук султана Фируз-шаха Дихлавй, направивший *ходжу* Джамал ад-Дина, также прислал почтительное послание со следующим содержанием: в пору, когда победоносный кортеж его величества обладателя счастливого сочетания двух светил¹⁴³ двинулся на страны Хиндустана, среди наших властителей уже не оставалось в живых никого, кто бы обладая репутацией и влиянием, предложил условие подчинения и долг несения службы. Вследствие крайнего невежества и [преувеличенного] самомнения Маллав и Саранг¹⁴⁴ выставили ополчение и разрушили фундамент той династии. Сей же, слабый и иссохший, вот уже столько времени живет на чужбине во многих печалях, уповая в том на слуг царского порога, что они призовут сего раба ко двору, служащему убежищем для властелинов, чтобы, дай бог, со счастливой помощью государства его величества он мог возвратиться на свою исконную родину — у скитающегося на чужбине сердце в думах о родине. Его величество счастливый Хакан написал государю Биджанагара, дескать, прошел такой слух, что Фатх-хан — один из

потомков султана Фирӯз-шаха — прибегнул под защиту того двора. Ныне, если они смогут, то пусть они посадят его на царство его отцов, а не то, пусть тогда они отправят его к августейшему порогу, чтобы, сопроводив его стремительными войсками и буде предопределение Аллаха всевышнего, привести его в страну его отцов и дедов и посадить на престол царства.

Стих:

Шахрух — такой повелитель, любой раб коего в мире равен государю.

Величайший *маулан* Насраллах Джунабади был назначен править посольство и его соизволили снабдить выючными животными, [необходимыми] указами, кормовым довольствием и ямским лошадыми-поставами, а для государя Биджанагара соизволили подготовить дары и подношения. *Маулан* отправился в путь в соответствии с приказом. Пришел черед, когда его величество счастливый *Хакан* спросил [меня] о причине, вызвавшей задержку в провинции Хормуз. Сей бедняк почтительно изложил жалобу на тамошних правителей. От мерзостных поступков жителей Хормуза у его величества испортилось августейшее настроение, и приказ, коему подчиняется мир, вышел из ставки славы [с таким содержанием]: Пусть доставят в высочайший *дйван вазйра* Хормуза *ходжу* Мухаммада Багдади и учинят дотошное дознание о причине помех и проволочек, которые чинились в отношении сего бедняка. Посланец сего бедняка *Хаджжй Йусуф* отбыл в провинцию Хормуз и прочел им указ, доведя до сведения жителей Хормуза августейшее распоряжение. В государственном присутствии Хормуза он схватил за пояс *ходжу* Мухаммада Багдади и сказал: "Указ, коему повинуется мир, состоит в том, чтобы я привел тебя ко двору, являющемуся убежищем для всего мира, дабы в высочайшем диване спросить с тебя о [допущенных] проступках и [учиненных] помехах". Вступились государь и эмиры и испросили слова для оправдания и разьяснения: "Предоставь нам милостиво толику возможности с тем, чтобы смогли мы пояснить суть дела в челобитной, представленной к подножью высочайшего престола, и все то, о чем последует затем указ, мы непременно исполним!" Стараясь угодить сему бедняку, они послали пять абиссинских рабов, семь кусков четырехрядной и шестнадцатирядной шерстяной материи и сто кусков расписанной цветами ткани. А *Хаджжй Йусуфа* и его спутников они увели с собой и дали [им] ткани и [еще] повсюду разные вещи. Все это, заприходованное, прибыло в Герат. Сей бедняк представил его величеству *Хаджжй Йусуфа*, который возвратился из Хормуза, что соответствовало высокому намерению.

Стих:

*Предмет упования — владыки,
долгой жизни им и счастливый конец.*

Пусть не посмотрят оком порицания на повествование о путешествии в Хиндустан, даже если оно написано с излишним многословием и затянулось нескончаемым рассказом, а в части подробности описаний и длиннот фраз пусть помянут уважительно изречение: "Отправляющий службу свободен от провинности".

Хотя я не говорю, я говорю.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Путевые заметки о путешествии в Южную Индию, куда Абд ар-Раззак Самарканди был направлен в 1442 г. с дипломатической миссией Тимуридом Шахрухом (1405—1447), были включены автором во вторую часть его исторического труда "Матла'ас-са'дайн ва маджма'ал-бахрайн", завершеного в первой редакции в 1470 г. Эти записки впервые публикуются в полном переводе с персидского языка на русский, хотя интерес к ним в отечественной и советской науке никогда не угасал и специалисты неоднократно упоминали их либо ссылались на них. Известны следующие более или менее полные переводы и переложения рассказа Абд ар-Раззак на другие языки:

1. L. Langlès. Voyages de la Perse dans l'Inde et de Bengal en Perse. — Recueil portatif voyages. Paris, an VI [-1795], t. ii, p. V-CXVII. То, что проделал Л. Лангле, вряд ли можно назвать переводом на французский язык, это, скорее, пересказ со значительным числом неточностей и ошибок, вызванных непониманием целого ряда мест текста оригинала.

2. M.[E.] Quatremère, Notice de l'ouvrage Persan qui a pour titre: Matla-assaadein ou-madjma-albahrein, et qui contient l'histoire des deux sultans Schah-Rokh et Abou-Said. — Notice et extraits des Manuscrits de la Bibliothèque du Roi et autres bibliotèques. Paris, 1843, XIV, pt 1, p. 426-473. Перевод (также на французский) выполнен по опубликованному Э. Картмером тексту (там же, с. 341-386). Он не полон, поскольку переводчик опустил большую часть стихов, описание обратного путешествия автора по морю, ряд пассажей он переложил своими словами и закончил работу на пассаже о прибытии Абд ар-Раззак из Индии в Хормуз.

3. Narrative of the journey of Abd-ar-Razzák. — India in the Fifteenth Century. Being a collection of narratives of voyages to India... now first translated into English. Ed. by R. H. Major (Works issued by the Hakluyt Society, no. XXII). London, 1859, p. 1-49. Сокращенный английский перевод с французского перевода Э. Катрмера.

4. Matla'u-s Sa'dain of 'Abdu-r Razzák. Embassy to Hindustan. — The History of India as told by its own historians. The Muhammadan Period. Ed. by sir H. M. Elliot and J. Dowson. London, 1872, vol. IV, p. 95-126. Независимый английский перевод К. Дж. Олдфилда со значительными сокращениями (опущены почти все стихи, описания пребывания в Омане, драгоценных камней, шторма и жары на обратном пути и т. п.), доведен до приезда автора в Хормуз по возвращении из Индии.

5. А. Уринбоев. Абдураззак Самаркандийнинг Хиндустан сафарномаси. Тошкент, 1960. Полный перевод на узбекский язык "Путевых записей" Абд ар-Раззак от времени выезда из Герата до возвращения спустя три года в этот же город. Перевод (с. 31-75) выполнен по подготовленному и изданному тексту (97-2) См. также: Ч. А. Стори. Персидская литература. Библиографический обзор в трех частях. Часть 2. М., 1972, с. 824-827.

Настоящий перевод выполнен по двум ленинградским спискам сочинения ʿАбд ар-Раззāка Самарқандӣ:

1. Рукопись СПбФИВ РАН С 443 (лл. 393а-408б), датированная 25 *зи-л-ка'да* 952/28 января 1546 г. и восходящая к автографу, датированному 17 *раби'ал-ула* 875/13 сентября 1470 г. (л. 526а). Подробнее о списке см.: Н. Д. Миклухо-Маклай. Описание персидских и таджикских рукописей Института востоковедения АН СССР. Вып. 3: исторические сочинения. М., 1975, с. 262-269.

2. Рукопись библиотеки Восточного факультета Петербургского университета № 157 (лл. 256а-268б), даты переписки не имеет, но список можно смело датировать временем не позднее последней четверти XV в. Подробнее о списке см.: Тагирджанов А. Т. Описание таджикских и персидских рукописей Восточного отдела Библиотеки ЛГУ. Т. 1: история, биографии, география. [Л.], 1972, с. 126-129. Кроме того, нами для сравнения при переводе привлекался в ряде случаев текст, изданный А. Уринбосевым.

Следует, видимо, отметить, что путевые заметки ʿАбд ар-Раззāка были достаточно полно (в части Индии) использованы персидским историком Гийās ад-Дином Хондемиром (1474-1536) в четвертом разделе 3-го тома его труда "Хабиб ас-сийар фи ахбар афрад башар" (ср. Тегеранское изд., 1954, т. IV, с. 624-629): рассказы о бетеле, Кāликуте, Биджāнагаре, Мангалоре.

2. Т. е. в 845/1441—1442 г. См. ниже в тексте перевода точную дату отъезда автора — 13 января 1442 г.

3. Полное имя — Камāl ад-Дин ʿАбд ар-Раззāк б. Джалāl ад-Дин Исхāк Самарқандӣ. Известный историк эпохи Тимура и его преемников. Теолог-юрист, чиновник высокого ранга в государственной канцелярии и дипломат (30—60-х гг. XV в.). Он родился в Герāте 8 ноября 1413 г. и там же умер в июле 1482 г. Его отец был судьей и имāмом-предстоятелем на молитве при ставке Шāхруха. ʿАбд ар-Раззāк получил, как и три его брата, хорошее традиционное для выходцев из семьи служителя культа высокого ранга образование. Он пережил как своих старших братьев — теолога-юриста *мауляну* Джамāl ад-Дина ʿАбд ал-Гаффа́ра (ум. 19 *зу-л-хиджа* 835/17 августа 1432 г.) и богослова ʿАфиф Ад-Дина ʿАбд ал-Вахха́ба (ум. 846/1442 г.), так и младшего брата — знатока "Сийақа", специалиста в составлении официальных бумаг, "баловавшегося" поэзией и ставившего опыты в алхимии *мауляну* Шариф ад-Дина ʿАбд ал-Каххāра (ум. в Герāте 20 *раджаба* 869/18 марта 1465 г.). Вскоре после смерти отца (видимо, 840/1436—37 г.) ʿАбд ар-Раззāк был представлен Шāхруху в 841/1437—38 г. и преподнес посвященный монарху собственный комментарий на траматический трактат ʿАзуд ад-Дина ал-Иджди о частицах и местоимениях. Спустя два года, выдержав экзамен в присутствии нескольких богословов и юристов, он был окончательно принят на государственную службу в качестве судьи при дворе. По возвращении из Виджайанагара (Индия), куда он был направлен Шāхрухом с дипломатической миссией (1442—1444 гг.) ему в 850/1446 г. было предписано выехать в Гилян с монаршим поручением: обеспечить выступление правителя этой области против Султāн-Мухаммада. Едва он выполнил это задание, как получил распоряжение отправиться в Египет, послом к султāну Чақмақу, но, достигнув г. Рея, узнал, что 14 марта 1447 г. Шāхрух умер, и возвратился в Герāт. Вместе с тем ʿАбд ар-Раззāк включил в свой труд послание, не врученное им султāну. Затем он состоял при дворах преемников Улугбека в Самарканде в качестве *садра* и *на'иба*, а с 1451 г. при преемниках Шāхруха в Герāте, выполняя различные поручения и сохраняя пост в государственной канцелярии, пока 24 января 1463 г. Абӯ Са'їд Султāн (ноябрь 1458 — февраль 1469) не назначил его шайхом-руководителем суфийской обители (*дах-нага́х*) в Герате, построенной еще Шāхрухом. В этой должности он состоял до конца своих дней. Помимо указанного выше комментария его перу принадлежит также руководство для секретарей-письмоводителей "*Сахā'иф ал-латā'иф*" и, по его собственным словам, описание Герāта и прилежащего округа. Но, конечно, главным его сочинением был широкоизвестный труд по истории последних Ильханов и Тимуридов "*Ма'тла' ас-са'дайн ва маджма' ал-бахрайн*", охвативший события с 1304 по 1470 г. и состоящий из двух томов. Последующие историки черпали из него (главным образом из второй части) многочисленную информацию для своих сочинений.

Миссия в Индию в 1442-1444 гг. (Перевод О. Ф. Акимушкина)

Литература: Уринбоев, ук. соч., с. 14-19; Миклухо-Маклай, ук. соч., с. 262-268; Стори, ук. соч., с. 820-821; С. Р. Haase. Abd-al-Razzaq. — Encyclopaedia Iranica. Vol. I, fasc. 2, p. 158-159.

4. Имеется в виду четвертый сын Тимура Шāхрух-мйрзā (1405—1447), подчинивший к середине 1409 г. практически всю империю своего отца, столицей его государства был город Герāt.

5. В труде ‘Абд ар-Раззāк идет погодное описание событий. Все указанные исторические провинции входили в состав государства Шāхруха. *Мавераннахр* — буквально “то, что за рекой”; так называли арабы с VII в. обширную территорию к северу и северо-востоку от р. Амударья с центрами в Бухаре и Самарканде (ср. совр. Средняя Азия); *‘Ирақ* — имеется в виду *‘Ирақ* персидский, т. е. регион от Исфахāна до современного Курдистана; *Азербайджан* — имеется в виду исторический Азербайджāн, тот, что лежит к югу от р. Аракс, т. е. Иранский Азербайджāн.

6. Коран, пер. Крачковского, сура 10, стих 23.

7. Там же, 14:32.

8. Бейт из қасыды (оды-панегирика в данном случае) одного из лучших персидских поэтов-классиков Ауҳад ад-Дина Мухаммада Анварй (ум. ок. 565/1169—70 г.). Ср. Уринбоев, с. 80, № 19.

9. ‘Абд ар-Раззāк намекает на то, что он был в Южной Индии среди людей с темной кожей.

10. Т. е. Шāхрух. Здесь и далее так будет переводиться его официальный титул — *хазрат-и хāқāн-и са‘īд*.

11. Т. е. ‘Абд ар-Раззāк Самарқандй.

12. Горная область в южной части Хорāсāна (Восточный Иран). Главными центрами Кухистāна в средневековье были гт. Тун и Қāин. Торговое значение имел лишь последний. В XI в. в этой горной области закрепились исмаилиты, опиравшиеся на многочисленные хорошо защищенные замки-крепости в горах. В 40—50 гг. XIII в. они были разгромлены монголами. См.: В. В. Бартольд Историко-географический обзор Ирана. — Сочинения. Т. VII. М., 1971, с. 141-142.

13. Имеется в виду большая солончаковая пустыня Дашт-и Кавйр, которая вместе с пустыней Дашт-и Лут, отделенной от первой низкой горной грядой, простирающейся в направлении г. Хāбиса, занимает обширные районы Восточного Ирана от границ исторических провинций Сйстāн и Макрāн до г. Дāmгāна в общем направлении с юго-востока на северо-запад. Обе пустыни арабы называли одним именем — Хорасанская пустыня. Ее описание см.: В. В. Бартольд, ук. соч., с. 140-141.

14. Название как исторической провинции на юго-востоке Ирана, так и ее главного города, который до начала-середины XIV в. обычно наименовался Бардасйр или Гувашир. Подробнее см. В. В. Бартольд, ук. соч., с. 143-147. Также Ахмād-‘Алй-хāн Вазйрй Кирмāнй. Тāрйх-и Кирмāн (Саларйя). Ба тасхйх ва тахшйиā Мухаммад-Ибрāхйм Бастāнй Пāрйзй. Тихрāн, 1340 /1961/; его же. Джутрāфйя-йи мамлакат-и Кирмāн. Ба ихтимām-и Мухаммад-Ибрāхйм Бастāнй Пāрйзй. — “Фарханг-и Ирāнзамйн”, 14. Тихрāн, 1345/1966/, с. 20-288.

15. Восьма полисемантический термин с основным значением управления, надзора и надзора (в Иране появился в монгольскую эпоху) — представитель центральной администрации, функции которого в зависимости от времени менялись (и соответственно полнота власти). В данном случае — правитель города и области, наместник. Подробнее см. Шāх-Махмуд б. мйрзā Фāзил Чурās. Хроника. Изд. О. Ф. Акимушкина. М., 1976, с. 293, № 182.

Памятники культуры Востока

16. Тюркский эмир из ближайшего окружения Шахруха. В месяце *джумада* I 820/июне-июле 1417 г. был назначен наместником Кирмана и Макрана, составлявшим в ту эпоху одну провинцию (Джуграфия-и Хафиз-и Аbru, рук. РГБ в Петербурге. Дорн 290, л. 163а). Он умер в 854/1450—1451 г. при взятии Кирмана тимуридом Султан-Мухаммадом б. Байсунгур-мирзой (ум. 8 января 1452 г.)

17. Т. е. 12 февраля 1442 г.

18. Бурхан ад-Дин Халилаллах (26 января 1374—1444) при жизни своего отца Амира сайида Нур ад-Дина (у Абд ар-Раззаха ошибочно — На'им ад-Дин) Ни^мматаллаха Вали выехал в Индию по просьбе Бахманида Ахмад шаха I (1422—1436), сидевшего в Декане, и основал там филиал братства ни^мматаллахийа. Уехав в 1441 г. в Иран, он передал руководство созданным центром своему сыну Шах Хабиб ад-Дину Мухиббаллаху. Ни^мматаллах, более известный как Шах Ни^мматаллах Вали (24 декабря 1330—5 апреля 1431) — знаменитый персидский мистик арабского происхождения, основатель-эпоним суфийского братства ни^мматаллахийа (ни^мматий, ни^мматаллахий) в Иране. Последние 25 лет своей жизни провел в селении Махан (ок. 40 км к югу от Кирмана), где и был похоронен. Махан стал основной резиденцией братства и местом поклонения многочисленных паломников со всего Ирана.

19. Иля *Бампур* — главный город Макрана — юго-восточной части провинции Кирман. В середине века главным городом этой части Кирмана был г. Кедж (ныне в пределах Белуджистана). Ахмад-Али-хан Кирманий. Тарих-и Кирман, 137, 282-283; его же. Джуграфия-и мамлакат-и Кирман, 23, 186; В. В. Бартольд, ук. соч., с. 151.

20. Т. е. "гавань Хормузская". Автор имеет в виду старый, находившийся на материке до 1300 г. город-порт Хормуз (несколько восточнее современного порта Бандар-и 'Аб-бас), который стал с конца XII века главной биржей и основным перевалочным и складским центром торговли между Передним и Средним Востоком (включая ряд европейских стран), Индией и Китаем. Важнейшими статьями торговли Хормуза были индиго (из Индии) и лошади (в Индию). Новую точку зрения о расположении старого Хормуза на материке между реками Минаб и Масави-руд (см.: P. Morgan. New thoughts on old Hormuz. — Iran, 1991, XXIX, p. 67-83). Об основных статьях торговли в Хормузе в XIV—XV вв. см.: A. Williamson. Hormuz and the Trade of the Gulf in the 14-th and 15-th centuries A. D. — Proceedings of the Seminar for Arabian Studies. 1973, VI, p. 89-116. В Хормузе дважды побывал (в 1272 и 1292 гг.) Марко Поло и дважды останавливался на пути в Индию и обратно Афанасий Никитин ("Хождение за три моря" Афанасия Никитина. — Памятники культуры древней Руси. Вторая половина XV века. М., 1982, с. 449, 461, 463, 465, 469, 475). Об истории старого Хормуза и его правителях меликах арабского происхождения см.: В. В. Бартольд, ук. соч., с. 147-149; Н. Hasan. History of Persian Navigation. London, 1928, p. 139-144; J. Aubin. Les princes d'Ormuz du XIII-e au XV-e siècle. — JA, 241, 1953, fasc. 1, p. 77-99.

21. Сместил в 840/1437 г. своего брата Сайф ад-Дина Махара и правил, видимо, в "новом" Хормузе до 857/1453 г. Подробнее см.: В. В. Бартольд. Новый источник по истории Тимуридов. — Сочинения. Т. VIII. М., 1973, с. 549-552; J. Aubin, ук. соч., с. 118-119.

22. Автор говорит о "новом" Хормузе, расположенном на о-ве Джарун (впоследствии Хормуз) приблизительно в 6-7 км. от материкового порта. Город и порт перенес с материка на этот остров наместник керманских владетелей при хормузских правителях Баха ад-Дин Айаз Тюрк (ум. в 711/1311—1312 г.) в 699/1300 г. Остров, куда он бежал от караунасов, пришелся ему по душе, согласно источникам, еще в 695/1297 г. Перенос был вызван соображениями безопасности, поскольку отряды "дикой вольницы" монголо-тюркской негудерийской орды (*караунасы*) постоянно угрожали Хормузу. В улус этой орды входили Восточный Хорасан, Афганистан (до границ Синда) и Систан. Источники (Рашид ад-Дин и Вассаф) сообщают, что, начиная с 70-х гг. XIII в., *караунасы* неоднократно подвергали опустошительным набегам провинции Фарс и Кирман, а с 1287 г. они 12 лет кряду производили свои рейды ежегодно зимой на юг Ирана, доходя до побережья залива. Новый город-порт целиком унаследовал торговое значение своего

Миссия в Индию в 1442-1444 гг. (Перевод О. Ф. Акимущкина)

предшественника. Огромную помощь в переносе города оказали *дервиши* крупной обители (*ханагах*) в большом торговом селении Хундж (к югу от Шйраза на пути через Лагар к о-ву Кайс). Наиболее полную сводку источников об этом городе и их анализ см. J. Aubin, ук. соч., с. 94-137; также В. В. Бартольд. Новый источник по истории Тимуридов, с. 549-552 (пересказ сведений Тарих-и кабир Джа'фара б. Мухаммада ал-Джа'фарй).

23. *Миср* — Египет; равно как и г. Каир. *Шам* — Сирия. *Рум* — страна румийцев (первоначально исключительно Византия, затем только Малая Азия). *Туркестан* — в XIV—XVIII вв. так называли обычно Восточный (или Китайский) Туркестан с центрами Яркенд и Кашгар. *Дашт-и Кипчак* — степи в направлении на запад от Аральского моря и до Днепра (XI—XV вв.). *Области халмахов* — подразумеваются западные монголы — *ойраты*, постепенно двигавшиеся на запад через Джунгарскую впадину и Центральный Казахстан. *Чян и Мачян* — а) общее для мусульманских авторов средневекового названия Китая вообще; б) собственно Китай (*Чян*) и Южный Китай (*Мачян*), тогда как Северный и Северо-Западный Китай обычно называли *Хатай* (по имени кочевого народа *хиданей* или *кара-китаев*, владевшего в X—начале XII вв. частью северного Китая; народ монгольского происхождения). Вполне вероятно, что 'Абд ар-Раззак в данном случае говорит о Китае вообще, а в нижеследующем пассаже под Чйном понимает только Южный Китай (как это делал в XIV в. его предшественник Ибн Батутта). *Джава* — о-в Ява. *Сяпан (Сарандю)* — о-в Цейлон. *Банагала* — историческая провинция на востоке Индостана в пределах дельты рек Ганга и Брахмапутры — Бенгалия. *Зарбад* — видимо, имеется в виду малайское государство на о-ве Суматра. *Тана'сарй* — город в Бирме. Можно предположить, что под этим названием автор понимал все Бирманское государство. *Соку'тра* — остров в Индийском океане на выходе из Красного моря к востоку от африканского мыса Гвардафуй. *Шахр-и нау* — под этим названием подразумевался, видимо, Сям (Таиланд). *Дива-махалл* — Мальдивские острова — небольшой архипелаг коралловых островов к юго-западу от Цейлона, протянувшийся узкой цепью на 885 км. Основная стоянка-порт — г. Мале. *Малиб'ар (Малаб'ар)* — так называли значительный участок западного побережья Индостана от Гоа на севере до мыса Каморин на юге, представлявший собой узкую низменную полосу (шириной до 80 км.) между Аравийским морем и Западными Гатами. Малаб'ар играл значительную роль в интенсивных каботажных перевозках вдоль всего западного побережья Индии благодаря многочисленным портам и стоянкам, расположенным в удобных лагунах и бухтах. *Хабаш* — Эфиопия. *Зангиб'ар* — восточное и юго-восточное побережье Африки вообще, в частности — остров Занзибар в Индийском океане у восточного африканского побережья. *Бидж'анагар* (см. ниже). *Гулбарга* — на языке маратхи Кульбарга — небольшой город на Деканском плоскогорье в Индии; входил в состав Делийского султаната, а затем государства Бахманидов (1347—1527) в качестве столицы (в 1347—1428 гг.) вновь образованного мусульманского султаната, граничившего с двумя главными индусскими государствами Южного Декана — Варангалом и Виджайанагаром. После того, как в 1425 г. Бахманид Ахмад-шах I (1422—1436) захватил Варангал, он перенес столицу ближе к центру плоскогорья из Гулбарги в г. Бидар. В последнем был Афанасий Никитин ("Хождение", с. 453). *Гуджар'ат* — в XV в. эта область западной части Индостана включала в себя Сратский полуостров с Диу, анклав Бомбея и ряд районов к востоку. Торговые и морские связи с другими прибрежными странами Индийского океана способствовали процветанию этой провинции. Направляясь в Сомнат, через нее "огнем и мечом" прошелся Махмуд Газнави (998—1030). Мусульманское владычество установилось здесь в конце XIII в., когда войска делийского султана 'Ала ад-Дина Халджи (1296—1316) разгромили здесь в 697/1298 г. основную местную индусскую династию Вагхелов Анахильяри. В 1407 г. *Зафар-хан* — наместник делийского султаната в Гуджарате — отложился от Дели, объявил себя независимым, приняв имя Музаффар шаха. Династия просуществовала до 1573 г. Эту область проезжал Афанасий Никитин ("Хождение", с. 449, 461). *Канабат (Канбат, Камбай)* — крупнейший в XIII—XV вв. индийский порт западного побережья, главные морские ворота провинции Гуджарат, расположен около одноименного залива. Основные статьи вывоза составляли товары индийского производства: полудрагоценные и поделочные камни, которые вывозились отсюда главным образом в Персидский залив и Хормуз. *'Адан* — порт на юго-западном берегу Аравийского полуострова при выходе из

Памятники культуры Востока

Баб-эль-Мандебского пролива в Индийский океан; крупнейший перевалочный и складской центр международной морской и сухопутной торговли на Востоке в средние века. Через него пролегли пути из бассейна Средиземного моря (через Египет) в Персидский залив, Индию, Цейлон, Малакку, Зондские острова, Индокитай, Китай, Восточную и Южную Африку и в обратном направлении. Центр океанского судоходства и кораблестроения. *Джидда* — порт на Западном побережье Красного моря в Хиджазе, основан в VII в., транзитный пункт паломников, прибывавших морем для совершения хаджа в Мекку и Медину — священные для мусульман города Аравии. В порту пошлиной обкладывались все торговые суда в пользу властей этих городов, но на суда, привозившие паломников, она не распространялась. *Янбу* (*Янбо*) — порт на западном побережье Красного моря провинции Хиджаз. В этот порт прибывали паломники, стремившиеся посетить Мекку и Медину.

24. Ср. слова Афанасия Никитина: "Ормуз — пристань большая, со всего света люди тут бывают, всякий говор тут есть; что в целом свете родится, то в Ормузе все есть. Пошлина же большая: со всякого товара десятую часть берут" ("Хождение", с. 463).

25. Муссонные ветры есть воздушные потоки устойчивого направления, которые в данном регионе меняются на противоположные в связи со сменой сезонов года: зимой (декабрь – февраль) — в северо-восточном направлении, летом (май – август) — в юго-западном. Одновременно наступает резкая смена сухой, малооблачной погоды на влажную, дождливую (или наоборот). Абд ар-Раззāk выехал из Хормуза в апреле месяце в неустойчивую погоду за месяц до начала сезона летних жарких муссонов.

26. Порт на Оманском восточном берегу Аравийского моря. Известен с IX в. как гавань, где снаряжались, а также строились морские суда для плавания в Индию и далее на восток, в Африку и в Красное море. С конца XIII в. и до XV в. находился под протекторатом хормузских меликов и входил в состав их владений на Оманском берегу. В Маскате останавливался Афанасий Никитин ("Хождение", с. 449, 461, 475). См. также: J. Kelly. Britain and the Persian Gulf: 1795—1880. London, 1968, p. 12-17; Н. Н. Туманович. Европейские державы в Персидском заливе в 18—19 вв. М., 1982, указатель (с. 187).

27. Небольшой морской порт и стоянка для судов на Оманском берегу Аравийского моря, расположен в 54 км к юго-востоку от Маската. В XVI—XVII вв. опорный укрепленный пункт португальцев в Оманском заливе. См.: Н. Н. Туманович, ук. соч., с. 8, 34, 37, 50.

28. Три парных строки (*байт*) из газели знаменитого персидского поэта Шамс ад-Дин Мухаммада Шйрāзй с литературным именем Хāфиз (ум. в 1389 г.). См.: Дивāн-и Хāфиз. Ба ихтимām-и Мухаммад Қазвинй ва дуктур Қасим Ғанй. Тихран, 1329/1950/, 228-229, газал № 333.

29. Весьма значительный порт на Оманском берегу Аравийского моря в 70 км от мыса Рас ал-Хадд. Пункт транзитной торговли с Индией, последняя стоянка для судов, направлявшихся в Индию, где их ремонтировали, приводили в порядок такелаж и запасались водой и продовольствием. Как порт функционировал уже в XII в. В XIII—XV вв. находился под властью хормузских меликов. См.: Н. Н. Туманович, ук. соч., указатель (под словом Калат, с. 187).

30. Буквально "государем планет", т. е. солнцем.

31. Небольшая стоянка для судов на южном побережье Оманского залива, последняя относительно значимая перед мысом Рас ал-Хадд. В XVI—середине XVII вв. — опорный укрепленный пункт португальцев на северо-востоке Аравийского полуострова. См.: Н. Н. Туманович, ук. соч., с. 50, 120.

32. Согласно средневековым представлениям, в основе всего сотворенного в мире заложены четыре начала (элемента, стихии): земля, вода, воздух и огонь.

33. Коран, 13:20.

34. Коран, 31:34.

35. Коран, 4:80.

36. Коран, 11:43.

37. Указание на библейскую легенду, получившую отражение в Коране (28:6(7)): в связи с приказом фараона утопить в Ниле всех новорожденных мальчиков еврейского происхождения, мать Моисея (Мусы) прятала его в доме в течение трех месяцев, а затем она, положив младенца в корзину, покрытую снаружи смолой, поставила ее в заросли камыша на нильском берегу. Дочь фараона, придя купаться на берег реки, обнаружила среди камышей корзину с ребенком, приказала его взять и отдать на воспитание кормилице, которая оказалась матерью Моисея.

38. Ссылка на кораническую легенду (18:71(72), 78(79)). *Хизр* (ал-Хидр, ал-Хадир) — персонаж мусульманской мифологии, в Коране он не упомянут, но все комментаторы традиционно идентифицируют его с неким "рабом Аллаха", действующим в кораническом предании (18:64(65)-81(82)) о путешествии Мусы (Моисея). Образ Хизра (букв. "зеленый") получил широкое распространение в мусульманском предании: он обладает бессмертием; покровитель тех, кто путешествует по морю; одаряет богатством и здоровьем тех, кто его узрит; защищает от стихийных бедствий и напастей. Мистики считали его советником и наставником многих пророков, включая Мухаммада, и делали вывод, что дар святости выше дара пророчества.

39. Два бейта из поэмы Амйр Хосрова Дихлавй (1253—1325) Қирāн ас-са^адайн ("Соединение двух счастливых светил"). См. рук. ИВ РАН В 1808, л. 726.

40. Парафраз ^аАбд ар-Раззāка на тему пассажа из указанной выше поэмы Амйр Хосрова и цитата одного бейта. См. рук., л. 73а.

41. Коран, 10:23.

42. Коран, 31:30.

43. Знаменитый на весь Восток в XIII—XVI вв. порт на юге Малабарского побережья (см. выше), морские ворота областей и провинций, составляющих ныне штат Керала. Транзитный пункт международной морской торговли, в котором в указанные века прочно обосновались купцы-мусульмане. Пути из него вели в Китай через Мальдивы, Цейлон, Яву, Малакку, в Фарс, Йемен, Египет. Большинство торговых судов направлялось из него на Сокотру, в аравийские порты Красного моря и Египет, которые выступали посредниками в торговле товарами с Востока в странах Средиземноморья (и далее в Западную Европу). Основные статьи вывоза: пряности (перец, имбирь, мускатный орех, гвоздика), благовония, амбра, жемчуг, драгоценные камни, китайский фарфор, шелковые и хлопчатобумажные ткани, ценные породы деревьев и т. п. Главной статьей ввоза были лошади для военных нужд. В Кāлийкуте был Афанасий Никитин, называвший его Кожикодe ("Хождение", с. 463). См. Г. Харт. Морской путь в Индию. М., 1959, с. 192-196.

44. Главный священный город мусульман, находящийся в исторической аравийской провинции Хиджāзе. В нем в главной мекканской мечети ал-Масджид ал-Харам расположена основная святыня ислама Ка^аба. В этом же городе родился и начал свою деятельность основатель ислама Мухаммад. Мекка — древний центр торговли — не имеет выхода к морю. Ее морскими воротами являются порты Джидда и Ямбу (см. выше).

45. Историческая провинция в юго-восточной части Аравийского полуострова, выходящая на побережье Красного Моря. Основные центры, священные для мусульман, — города Мекка и Медина (Ясриб до 622 г.).

46. Букв. "земля войны" (*дāр ал-харб*), т. е. земли, где ислам еще не распространился, где он не господствует, или где мусульмане подвергаются гонениям со стороны "неверных" властителей, все то, что не представляет собой *дāр ал-ислām* ("земля исла-

Памятники культуры Востока

ма"). В принципе, эта концепция признает, что *дър ал-харб* должен стать *дър ал-исламом* в результате завоевания, убеждения или добровольного обращения населения.

47. Одна из четырех школ (*мазхаб*) мусульманского суннитского религиозного права (*фиqh*), основные принципы которой были сформулированы Абу 'Абдаллахом Мухаммадом аш-Шафи'и (767—820).

48. Ср. Харт, ук. соч., с. 199.

49. Комплект дорогой одежды (шуба, халат, кафтан, шапка, пояс, украшенный камнями и золотыми бляхами, и мягкие сапоги) обычно дарились в дни больших праздников (например, в дни *'ид ал-адха* — *курбан-байрам*, отмечаемый ежегодно 10 числа месяца зу-л-хиджа и длящийся 3-4 дня) или в особо торжественных случаях.

50. Направление, в котором обращается лицом мусульманин во время молитвы, т. е. к Ка'абе. В мечетях *кибла* обозначается особой нишей (*михраб*).

51. Главная святыня ислама, здание посредине двора мечети ал-Масджид ал-Харам, в юго-западном углу которого в кладку вмурован "черный камень", якобы ниспосланный с небес Аллахом.

52. 'Абд ар-Раззак не указал ни "жалобы", ни имени правителя, отправившего ее Шәхруху. Вероятнее всего, этим государем Банагала был Нафйр ад-Дйн Махмуд-шах — потомок Шамс ад-Дйна Ильяс-шаха (1345—1358), правивший в объединенной Бенгалии в 1437—1460 гг.

53. Султан Шамс ад-Дйн Ибраһим (1402—1440) — третий правитель из династии султанов Шарки в Джаунпуре.

54. Потомок известного персидского мистика *шайха* Ахмад-и Джамо (1049—1142); наставник *ханагха* и преемник *шайха* по руководству семейным *силсила*; пользовался вниманием Шәхруха, которому посвятил сугубо компилятивный труд (*тасиф*) о своем предке "Хула'сат ал-макәмат" ("Сущность степеней духовного совершенства"), составленный им около 840/1436—37 г. В сочинении *дарвйши* 'Али Бузджаний ал-Джамий "Манәкяб-и авалад-и шайх Ахмад-и Джам-и Намики" ("Жития потомков шайха Ахмада Джама Намики"), написанном в 929/1523 г., сообщается, что он по поручению Шәхруха ездил в Хиндустан и что миссия его заняла два года (с. 69); там же его имя приводится в форме ходжа Шихаб ад-Дин Абу-л-Макарим (с. 68). См. Собрание восточных рукописей АН Узб. ССР. Т. 3. Ташкент, 1955, № 2152. Мы пользовались фотокопией этого списка, хранящейся в СПбФ ИВ РАН, шифр ФВ 399. См. также: А. Наушахи. Асар-и Дарвиш-и Али Бузджани. — "Айанде", Тегеран, 1992, 18, № 1-6, с. 225-227; Heshmat Moa'yyad. Buzjani, darwish 'Ali. — Encyclopaedia Iranica. Vol. 4, fasc. 6. London, 1990, p. 587-588.

55. *Джаунпур* или *Джаунапур* в XV в. стал центром мощного мусульманского государства, сложившегося на землях провинции Бихар и Ауд и расположенного между владениями Делийского и Бенгальского султанатов. Сам город был основан на р. Гумти к северу от Бенареса. Династия была основана рабом-евнухом по имени Малик Сарвар, который от имени своего патрона последнего Тоглукида Махмуда II (1393—1395, 1399—1413) завоевал в 1394 г. Ауд, объявив себя независимым. Династия получила название Шаркй от титула *малик аш-шарк*, пожалованного ему патроном, и просуществовала до 1479 г.

56. Видимо, явное преувеличение 'Абд ар-Раззак, поскольку прочесть *хутбу* на имя Шәхруха означало признать себя его вассалом. *Хутба* — особая официальная проповедь, читаемая по пятницам и большим праздникам, в которой возносятся молитвы во здравие царствующего династа.

57. Коран, 16:126.

58. Ср. Описание Афанасия Никитина ("Хождение", с. 451); также И. П. Петрушевский. Комментарий географический и исторический. — Афанасий Никитин. Хождение за три моря. Л., 1948, с. 161, № 59.

Миссия в Индию в 1442-1444 гг. (Перевод О. Ф. Акимущкина)

59. Точнее — Саморин. Ср. Харт, ук. соч., с. 196-199.
60. Автор описывает обычай полиандрии, принятый в общине наиров. См.: Харт, ук. соч., с. 200-201.
61. Западное побережье Индостана к югу от Гоа.
62. Коран, 78:9.
63. Согласно кораническому преданию, Иосиф (Юсуф) был толкователем вещей снов. Здесь имеется в виду легенда толкования им снов двух юношей и сновидения царя (Коран, 12:36-49).
64. В это время правителем Биджайанагара (Виджайанагара) — мощного индусского государства на юге Индии был Дева Райа II (1422—1446).
65. Ср. Харт, ук. соч., с. 209, прим. 3, где говорится о "белой земле" — смеси, состоящей из пыли, коровьего помета, пепла и крошки сандалового дерева, замешанной на рисовой воде.
66. Гавань немногим к северу от Кāлйкṛта, защищенная от ветров; надежная якорная стоянка. См. Харт, ук. соч., с. 208.
67. Торговый порт Малāбāра на юго-западном побережье Индостана, куда в XIV—XV вв. приходили суда из Персидского залива и Красного моря.
68. Т. е. в 18 км (один *фарсанг* равен 6 км).
69. В позднем средневековье *газ* был равен 62 см, в Исфахане XVII в. — в среднем, 95 см, в Иране наших дней *газ* равен 104 см. (В. Хинц. Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему. Е. А. Давидович. Материалы по метрологии средневековой Средней Азии. М., 1970, с. 62, 63).
70. Город, морскими воротами которого был Мангалōр, входил в состав государства Виджайанагар.
71. Трудно сказать какой *джарīb* имел в виду ʿАбд ар-Раззāх: равный округленно 1600 кв. м (1592 кв. м) или равный 960 кв. м (958 кв. м). Считается, что в Иране в XV в. был употребителен последний. См. Хинц, ук. соч., с. 73-74.
72. Мусульманское предание гласит: *Шаддад* — мифический царь народа *ад* построил город-сад в подражание раю; *Ирам* был разбит где-то на юге Аравии, но был уничтожен Аллахом, а сам Шаддад умер прежде, чем вступил в свой город-рай.
73. Или *кимхāб* (*камка*) — парча; тяжелая атласная материя, затканная золотой нитью; *харā* — вид плотной, струящейся, узорно переливающейся шелковой ткани.
74. 3 бейта из сочинения Амир Ҳосрова Дихлавй Қирāн ас-саʿдайн. См. рук. ИВ РАН В 1808, л. 13а.
75. Собственно *Виджайанагар* — столица одноименного индусского государства в Южной Индии, основана местным феодалом Харихара в 1336 г. на р. Тунгабхадре. Государство Виджайанагар функционировало более двух веков. В 1565 г. объединенные ополчения мусульманских владетелей Бидара, Голконды, Биджапура и Ахмаднагара разбили войска царя Рама-Раджу, разорили и разрушили город, а индусское государство прекратило свое существование. Во время же миссии ʿАбд ар-Раззāха это государство подходило к пику своего политического и экономического могущества. Владыка носил титул *махараджадхираджа* — "великий царь всех царей". Территориально Виджайанагар занимал всю Южную Индию (к югу от р. Кришны, или Кистны). Все время независимого существования протекало в постоянных войнах с мусульманскими султанатами, особенно с владением Бахманидов в Декане (1347—1527). В большинстве случаев успех сопутствовал последним. Подробнее см. И. П. Петрушевский. Комментарий, с. 191-192.

76. Единица счета, равная 100 000.

77. Весьма популярное на средневековом мусульманском Востоке произведение развлекательно-назидательного характера, относящееся к жанру т. н. "обрамленных" или "рамочных" повестей. Памятник древнеиндийской литературы. Известен целый ряд переводов и обработок на персидском и арабском языках. О первых см.: М. А. Тодуа. Некоторые вопросы орбеллиановской версии "Калилы и Димны". — М. А. Тодуа. Грузинско-персидские этюды. Тб., 1971, I, с. 212-240; также П. А. Гринцер. Древнеиндийская проза: обрамленная повесть. М., 1963, с. 3-6.

78. Следовательно, 12 км. Отсюда площадь города Виджайанагар была равна 144 кв. км.

79. Описание города вкратце было изложено И. П. Петрушевским (Комментарий, с. 191). Более подробно на сравнении города с Гератом остановился А. Тетпу. A Catalogue of the Toponyms and Monuments of Timurid Herat. Cambridge, 1981, p. 236. Ср. также: А. М. Беленицкий. Историческая география Герата в XV в. — Алишер Навои. Л.-М., 1946, с. 175-202; Е. М. Массон. К исторической топографии Герата XV в. — Великий узбекский поэт. Ташкент, 1948, с. 120-145.

80. Особый вид дворцовой архитектуры — жилой павильон, фронтон которого составляет терраса, открывая с трех сторон, кровля которой поддерживается тонкими колоннами числом 20, идущими по периметру. Перед таким павильоном устраивался обрамленный цветниками прямоугольный водоем, в воде которого отражались 20 колонн террасы. Отсюда и название — сорокаколонное. В таких дворцах-павильонах обычно устраивались летние приемы.

81. Ср. Харт, ук. соч., с. 197-198, где говорится об этом способе записи документов.

82. Оружие письма — палочка из высушенного тростника с косым продольным срезом на одном конце. Кончик среза обрезался под определенным углом к тулову (в зависимости от почеркового стиля) и обязательно расщеплялся. Соотношение правой половины от расщепления к левой составляло 2:1. Считалось, что лучшие *калამы* изготовлялись из тростника, произраставшего в окрестностях г. Вāsита (Ирак). Будучи высушенными, они приобретали темно-красноватый или темно-коричневый оттенок.

83. Звание первого министра государства.

84. Т. е. финансовые и гражданские дела.

85. В Иране до XVI в. *мисқāl* был равен 4,235 г, а с начала XVI в. — 4,6 г. До XVI в. классический *дирхем* был равен 2,965 г (при соотношении *мисқāля* как 10:7) или же 2,82 г (при соотношении 3:2). Среднее же значение персидского *дирхема* после XVI в., видимо, было равно 3,2 г. См. Хинц, ук. соч., с. 11-12, 15-16.

86. Таким образом один золотой *мисқāl* (4,235 г) был равен по стоимости 10 серебряным "кепекским" *дѣнāрам*, т. е. 29,65 г серебра; либо 14,12 г серебра, исходя из расчета 3 *дѣнāра* в одном *мисқāле* (для конца XV в.).

87. "Житель" Афанасия Никитина ("Хождение", с. 451, 461). По °Абд ар-Рāззāку, это медная монета. Согласно И. П. Петрушевскому (Комментарий, с. 179), — серебряная.

88. Ср. "Хождение", с. 451, где *кичри* (*кхичри*) кормят коней.

89. В Иране того времени наиболее распространенным был "большой" *манн*, округленно равный 3 кг. Следовательно каждый шар *кичрй* для слона весил 6 кг.

90. То же самое отмечает Афанасий Никитин ("Хождение", с. 463). Ср. также Бабурнаме. Записки Бабура. Перевод М. А. Салье. Ташкент, 1958, с. 318-319 (лл. 2746-275а).

91. В конце апреля 1443 г.

Миссия в Индию в 1442-1444 гг. (Перевод О. Ф. Акимушкина)

92. В это время государем Виджаянагара был представитель династии Сангама Деварайа II (1422—1446). См.: An Encyclopaedia of South Indian Culture. Calcutta, 1983, с. 527-530.

93. Т. е. послание Шāхруха.

94. Дикорастущий, а также возделываемый тропический кустарник из семейства перечных. Об обычае употребления листьев бетеля см. также Харт, ук. соч., с. 198.

95. Т. е. 48,7 г.

96. 14 бейтов из упомянутой выше поэмы Амйра Хосрова Дихлавй. Рук. ИВ РАН В 1808, л. 91а.

97. То же самое сообщает Афанасий Никитин ("Хождение", с. 459).

98. Или *Бехистун* — монолитная гора в Западном Иране у древнего караванного пути, ведущего из Вавилона к Экбатанам и далее на юго-восток, в 30 км к востоку от современного Керманшаха. Известна своей наскальной надписью трилингвой (на древнеперсидском, эламском и аккадском языках идентичного содержания), высеченной по приказу Дария I (522—486 гг. до н. э.), в которой повествуется о событиях конца правления Камбиза и первых годах царствования Дария. Надпись высечена на высоте почти 105 м в искусственном углублении на отвесной стене и содержит 515 строк текста на древнеперсидском языке, над которым помещена рельефная сцена триумфа Дария I над царями-"самозванцами". См.: М. А. Дандамаев, В. Г. Луконин. Культура и экономика Древнего Ирана. М., 1980, с. 5-6.

99. 13 бейтов из упомянутой выше поэмы Амйра Хосрова Дихлавй. Рук. ИВ РАН В 1808, л. 96а-б.

100. *Ахра-Манью* — "злой дух". В авестийской и древнеиранской мифологии верховное божество зла, творец всего нечистого, грязного и подлого на земле.

101. Коран, 81:5.

102. Три бейта из упомянутой выше поэмы Амйра Хосрова Дихлавй. Рук. ИВ РАН В 1808, лл. 216-22а.

103. 7 бейтов из той же поэмы. Рук. ИВ РАН В 1808, л. 94а.

104. Ср. краткий пересказ у И. П. Петрушевского (Комментарий, с. 191).

105. *Бахманид Ахмад II*, правил в Северном Декане в 1436—1458 гг., г. Гулбарга был столицей султаната до 1425 г.

106. Представитель делийских султанов из династии Топлукидов Фйрӯз-шāх III, правил в 1351—1388 гг.

107. Т. е. Мухаммада.

108. Коран, 2:258.

109. Бейт из касыды выдающегося персидского поэта одописца Ауҳад ад-Дина Мухаммада Анварй (ум. ок. 565/1169—1170 г.). Ср. Уринбоев, с. 105, № 348.

110. Коран, 39:54.

111. Гавань к северу по побережью от порта Мангалёр (см. выше).

112. *Ид-и фитрат*, начавшийся 22 января 1444 г.

113. Один из портов, часто посещаемых судами в XIV—XV вв. на Малабарском берегу государства Виджаянагар.

Памятники культуры Востока

114. *Джафар Правдивый* — шестой *имам* шиитов-двунадесятников. Родился ок. 700 г. в Медине, где и умер в 765 г. Шиитско-имамитская традиция считает его создателем особой теолого-правовой системы (*мазхаб*) в исламе — *джафаритской*. Считался носителем эзотерического знания и знатоком астрологии, алхимии и прочих оккультных наук. Ему приписывалось много сочинений такого рода.

115. Коран, 28:25.

116. Коран, 55:24.

117. Особый, принятый в делопроизводстве и официальной переписке почерковый стиль, при котором не только буквы в слове, но и все слова в строке соединяются между собой добавочными лигатурами. Буквы при этом несколько меняют свои стандартные начертания.

118. В персидском арабографичном алфавите буквы *алиф*, *даль*, *заль*, *ра*, *за*, *же*, *вав* не соединяются на письме с буквами, следующими за ними.

119. Коран, 24:40.

120. Сказочно богатый человек в мусульманской мифологии, враждебно настроенный в отношении Мусы (Моисея). Согласно Корану, Аллах заставил землю развернуться и поглотить *Қаруна* с его баснословными и несчетными сокровищами, дабы продемонстрировать ничтожество земных богатств в сравнении с божественной милостью (Коран, 28:76-81).

121. Пятый бейт из газели, открывающей сборник стихов *Ҳафиза Ширāзӣ*. См. *Дӣ вāн-и Ҳафиз*, издание Казвини-Гани, с. 2.

122. Коран, 2:286.

123. Коран, 27:63.

124. Коран, 12:87.

125. Коран, 2:47.

126. *Қурбāн-байрāм*, *‘пй-и адҳā*, начавшийся 16 *зи-л-хиджжа* 847/5 апреля 1444 г.

127. Пять бейтов из упомянутой выше поэмы Амира *Ҳосрова Дихлавӣ*. Рук. ИВ РАН В 1808, л. 73а.

128. Современный Хор-Факкан. Порт на берегу Омманского залива, к юго-востоку от выхода из Ормузского пролива, в 280 км к северо-западу от Масқата. В XIII—XV вв. находился в вассальной зависимости от хормузских меликов. Ср. Н. Н. Туманович, ук. соч., с. 35, 49, 75; J. B. Kelly, ук. соч., с. 8, 30.

129. Весьма популярный в ту пору суфийский *шайх* из братства *кубравийа*, последователь Рука ал-Дйна ‘Алā ал-Даула ас-Симнāнӣ (ум. в 1336 г.), родился в дер. Джағāра (см. ниже), где прожил всю жизнь и умер 30 *раби’ I* 857/10 апреля 1453 г. Он пользовался расположением внука Шāхруза Абу-л-Кāsима Бабура, который принял личное участие в его похоронах и который выделил *вакф* его наследникам в дер. Джағāра и карий *Мухтār* для покрытия расходов по строительству мавзолея над могилой *шайха*, расположенной в северной части гератского ‘Йдгāха на склоне горы Кух-и Мухтār. См.: Мақсад ал-икбāl салтанийа ва марсад ал-‘амал ҳақāнийа. Аз саййид Асйл ал-Дйн ‘Абдаллāх Ва‘из. Ба кушиш-и Ма‘ил Харавӣ. Тихран, 1351/1972/, 88-89; The Nafahāt al-Ons min Nadharāt al-qods or The Lives of the Soofis by Mawlānā Noor ad-Din Abd ar-Rahmān Jāmi. Calcutta, 1859, 524-526; Terry Allen, ук. соч., с. 178, № 582.

130. Деревня (*қарийа*) в окрестностях Герата (около 2 км к югу) в округе Айлнджāн. См. Terry Allen, ук. соч., с. 70, № 232.

Миссия в Индию в 1442-1444 гг. (Перевод О. Ф. Акимушкина)

131. Младший брат ^сАбд ар-Раззāка, умер в Герāте 20 *раджаба* 869/18 марта 1465 г.

132. Главный город округа Лāристāн в юго-восточной части провинции Фарс. С середины XIII по конец XV в. играл важную роль как транзитный и складской пункт в торговле с Индией, его портом был г. Ланге на побережье Персидского залива при входе с запада в Ормузский пролив. В это время большую часть его жителей составляли купцы, которые направляли караваны к о-ву Кайс (*Киш*), в Ленге и в "Хормузскую пристань" (материковый г. Хормуз). Округ управлялся местной династией, бывшей в вассальной зависимости с конца XIV в. от Тимуридов, с 1453 г. от правителей Западного и Юго-западного Ирана Қарā-Қойунлу, а с 1470 г. — Ақ-Қойунлу. См.: И. П. Петрушевский. Комментарий, с. 154; J. Aubin. Les sunnites du Laristan et la chute des Safavides. — REI, 1965, 33, p. 151-171.

133. Или *Аугāн* (*Ўған*). Из слов ^сАбд ар-Раззāка становится ясным, что из островного Хормуза он морем прибыл в порт Адгāн, который, судя по его дальнейшему маршруту, был расположен на побережье Ормузского пролива несколько к западу от современного Бандар-и ^сАббās.

134. Одна из семи материковых крепостей-фортов, созданный на подступах к побережью с целью защиты Хормуза — форпост владений Хормузских меликов на материке. Крепость отличалась от других пунктов наличием хорошей пресной воды и сносным климатом. С 1437 г. была предоставлена в распоряжение (согласно договоренности *мелика* Фахр ад-Дйна с Шāхрухом) *мелика* Хормуза Сайф ад-Дйна, смещенного братом. См.: В. В. Бартольд. Новый источник, с. 52; J. Aubin. Les princes d'Ormuz, p. 118.

135. Судя по замечанию ^сАбд ар-Раззāка, имеется в виду горный район в юго-западной и южной части округа Бабақ провинции Кермāн (что, кстати, подтверждается сообщением автора конца XIX в. Ахмād-Алй Вазйрй). Славился своими садами и фруктами (особенно хурмой и облепихой), для нужд земледелия использовались воды рек и источников, с древнейших времен функционировали горные выработки бирюзы. См.: Ахмād-Алй-хāн Вазйрй. Джугрāфийа, 163-164.

136. *Фаргāн* — восточный округ провинции Фāрс, граничивший с северо-западной частью провинции Кермāн. Вместе с округом Сурмад составлял седьмую единицу провинции Фāрс. См.: Ахмād-Алй-хāн Вазйрй. Джугрāфийа, 146.

137. Город (и одноименный округ) на западе провинции Кермāн в юго-восточном Иране. К востоку от него расположены округа Бардасйр и Рафсанджāн, к югу — Ақта^с, к западу — Нейрйз (Фāрс), к северу — Бабақ. В VII—X вв. был главным городом провинции Гавашйр (Кермāн), в XI в. уступил свое значение г. Гавашйр (с начала XIV в. — Кермāн). Находился на пересечении дорог, ведущих из Фāрса в Кермāн и из Йезда к побережью. В настоящее время город не существует. В средние века славился своей неприступной каменной крепостью, построенной на вершине высокого холма посреди равнины; расположена в 12 км от городища старого Сирджāна, ее называют *Қа'ла-йи санг* ("Каменная крепость"). В развалинах крепости сохранился михрāб, поставленный в 789/1387 г. Музаффаридом Султāн-Ахмāдом. Оазис производил пшеницу, ячмень, горох, фасоль, дыни и особенно был знаменит своими фисташками. См.: Ахмād-Алй-хāн Вазйрй. Джугрāфийа, 151-160, 244-245; его же. Тāрйх-и Кирмāн, указатель (с. 511: под словом "Сирджан"); И. П. Петрушевский. Комментарий, с. 151.

138. Подвижник, аскет и мистик. Согласно традиции, родом из Хорасāна (г. Нйшāпур), из рода правителей этой области. Умер согласно Джāмй, между 270 и 300/863 и 913 гг. См.: Джāмй. Нафахāt, 94-96.

139. Суфийский *шайх*, ученик Зайн ад-Дйна Хāвафй, которой пожаловал ему право на обучение мурйдов и их посвящение. Современник *шайха* Бахā ад-Дйна ^сУмара (см. выше) и учителя Джāмй Са'д ад-Дйна Кāшгарй. Умер в Герāте 1 рамазана 864/20 июня 1460 г. и похоронен в Газургāхе. См.: Джāмй. Нафахāt, 526-528.

140. *Дашт-и Лут* и *Кухистан* см. выше примечания 13 и 12.

141. Коран, 35:31-32.

142. *Динār-и кепекй* — серебряная монета, имевшая хождение в Мāвераннахре и Хорāsāне во второй половине XIV—XV вв., весом в одну треть *мисқāля* (для конца XV в.) и равная шести медным гератским *динāрам* (*динār-и харавй*). См.: Е. А. Давидович. История денежного обращения в средневековой Средней Азии. М., 1983, с. 46-59.

143. Имеется в виду Тимур (1336—1405), выступивший в грабительский рейд на Индию в раджабе 800/март-апрель 1398 г., 21 раджаба 801/29 марта 1399 г. он возвратился в Мāвераннахр, остановившись в Термезе; назначил правителем Синла 27 джумада II 801/6 марта 1399 г. своего ставленника Хизр-хāна (ум. 16 джумада I 824/19 мая 1421 г.). См.: Тāрйх-и Хāбйб ас-сийар фй ахбār афрал башар. Тāлйф-и Гийās ад-Дйн б. Хамām ад-Дйн Хусайнй Хвāндамйр. Дж. 3, Тихран, 1333/1954/, с. 480.

144. *Саранг-хāн* и *Маллау* (*Маллр-хāн* входили в число наиболее влиятельных эмиров Топлукида султāна Фйруз-шāха III (1351—1388). После смерти последнего они сосредоточили всю полноту власти в Делийском султанате в своих руках, возведя на трон внука своего патрона султāна Насйр ад-Дйна Махмуда II (1393—1395, 1398—1413). Старший брат — Саранг управлял Синдом в Мультане, младший — Маллау находился в Дели при дворе. Тимур 7 *раби'* II 801/17 декабря 1398 г. разбил под Дели войска султаната, взял и дотла разграбил столицу. Махмуду II и Маллау-хāну удалось бежать, но погоня, посланная вслед за ними, схватила сыновей младшего брата — Сайфа и Худāйлāда. См. Хāбйб ас-сийар, 3, 473-480.

SUMMARY

O. F. Akhimushkin. Mission to Hindustan or ‘Abd ar-Razzāq of Samarqand's Report on his travel.

The present publication consists of two parts. The first one is the utter translation into Russian from Persian. The renowned Report was written by known Timurid historian and statesman ‘Abd ar-Razzāq of Samarqand on his mission to Vijayanagar (South India) in 1441-1444.

The second part includes commentary on this translation in which the Afanasy Nikitine Memoirs on his travels in Middle East and India was used. The Russian merchant visited kingdom of Vijayanagar at one quarter of century later.